bc stax
- 192c63

К. Симонов

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Репертуар художественной самодеятельности № 30

Константин Симонов

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Пьеса в трех действиях, девяти картинах,
с интермедиями
(Новая сценическая редакция)

Издательство „Искусство“ Москва 1963

Р 2

Константин (Кирилл) Михайлович Симонов

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА
М., «Искусство», 1963 г., 80 стр., Р. 2.

Редактор *А. Сандлер*
Оформление художника *Л. Мечникова*
Художественный редактор *Е. Смирнов*
Технический редактор *В. Сушкевич*
Корректор *Б. Северина*

Сдано в набор 29/VIII-1963 г. Подписано к печати 5/X-1963 г. Форм. бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 2,5 (усл. п. л. 4,1). Уч.-изд. л. 3,99. Тираж 50 000 экз. Изд. № 14408. Зак. тип. 642. А 08894. Цена 20 коп.

Издательство «Искусство». Москва, И-51, Цветной бульвар, 25
Полиграфический комбинат Верхне-Волжского совнархоза, г. Ярославль, ул. Свободы, 97

Автор не настаивает на абсолютной необходимости введенных им интермедий. Ему кажется, что сейчас, когда изображенные в пьесе события отодвинулись далеко назад, эти короткие интермедии помогут зрителям точнее ощущать время действия. Но он считает, что в этом вопросе последнее слово остается за постановщиками пьесы.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сергей Луконин.
Аркадий Бурмин.
Варя — его сестра.
Петька — их двоюродный брат.
Анна Ивановна — тетка Бурмина.
Женя — практикантка в клинике Бурмина.
Володя Гуляев.
Алексей Петрович Васнецов.
Гулиашвили.
Севастьянов.
Сафонов — шофер такси.
Полина Францевна Сюлли — преподавательница иностранных языков в военной части.
Врач.
Помощник режиссера.
Командир роты.
Лейтенант.
Телефонист.
Связной.
Мотоциклист.
Офицер.
Переводчик.
Командиры, танкисты, санитары, связисты, солдаты.

Действие происходит в годы 1932—1939.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Севастьянов *(перед занавесом)*. Я расскажу вам об одном парне, парне из нашего города, и о нас, его товарищах.

Я начну эту историю издалека, с самого начала. Но что такое самое начало? По-моему, самое начало — это тот день и час, когда человек наконец выбирает себе дорогу, такую, чтоб уже не сворачивать.

В то время я еще не знал его, но я хочу начать рассказ именно с этого. Это было в тысяча девятьсот тридцать втором году... Представьте себе тридцать второй год. Старый город на Волге, жаркое лето, конец августа...

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Тысяча девятьсот тридцать второй год. Конец лета. Волжский город. Старая докторская квартира. Столовая. Двери во внутренние комнаты Большое окно, за ним — дерево. По нему видно, что это второй этаж. В глубине за круглым столом Анна Ивановна раскладывает пасьянс.

Анна Ивановна. Опять не сходится. К чему бы это?

Сергей *(в окне)*. Анна Ивановна!

Анна Ивановна *(вскочив)*. Что вы! Вы с ума сошли! Вы упадете!

Сергей. Ничего. Я на пожарной лестнице. Анна Ивановна, Вари нет?

Анна Ивановна. Нет, нет еще. Слезьте, ради бога!

Сергей. Ну, я потом зайду.

Анна Ивановна. Только уж, пожалуйста, с парадного!

Сергей. Хорошо. *(Скрывается.)*

Анна Ивановна. Увезет он Варвару. И глазом моргнуть не успеем. *(Раскладывает пасьянс.)* Оттого и не сходится.

Входят Аркадий Бурмин и Женя.

Аркадий. Входите, Женечка. Здравствуйте, тетушка!

Женя. Анна Ивановна, здравствуйте.

Аркадий. Где наша сестра?

Анна Ивановна. Не пришла еще.

Аркадий. Где наш уважаемый двоюродный брат?

Анна Ивановна. Петя опять пропал с утра. Он берет пример с тебя. Мне это надоело. Три раза подогревала тебе обед.

Аркадий. Обед? Сейчас пообедаю. Хотя, погодите, я ведь, кажется, уже обедал.

Анна Ивановна. Где ты обедал?

Аркадий. Вы не помните, где я обедал, Женечка?

Женя. Вы, Аркадий Андреевич, обедали в клинике. И я с вами обедала.

Аркадий. Верно. И я еще пиво опрокинул. *(Анне Ивановне.)* Оказывается, я обедал в клинике. Будем чай пить. Видите, Женечка, я вас не только подбирать препараты сюда вожу, а еще и чай пить. С вареньем. Вы любите варенье?

Женя. Да. Вы меня уже раз сорок спрашивали об этом.

Аркадий. Сорок раз? Вот видите, какой я заботливый. Тетя, дайте ей побольше варенья. В детстве все любят варенье.

Анна Ивановна. А у нас сегодня были пельмени.

Аркадий. Были пельмени? Ужасно! Но я был занят.

Анна Ивановна. Меня это не интересует.

Аркадий. Вот видите, Женечка, меня в этом доме в грош не ставят ни тетя, ни сестра и вообще никто. А я доцент. Ведь я доцент, Женечка?

Женя. Анна Ивановна, Аркадий Андреевич правда был занят. У него сегодня была очень трудная операция.

Анна Ивановна *(значительно)*. А у меня тут была Любовь Сергеевна.

Аркадий. Все равно, тетя, я не женюсь на вашей Любовь Сергеевне.

Анна Ивановна. И очень глупо сделаешь.

Аркадий. Может быть. Но жениться... Как, по-вашему, Женечка, жениться мне на Любовь Сергеевне?

Женя. Не знаю.

Аркадий. Как мой практикант и друг, вы могли бы в такую трудную минуту жизни дать мне совет.

Женя. Не знаю. Как хотите, Аркадий Андреевич.

Аркадий. Нет, не женюсь. Она слишком красивая. А я видите какой? Нос и вообще... Выйдет замуж, а потом скажет: будь благодарен. Не хочу я ей быть благодарным. Не женюсь. Верно, Женечка?

Женя. Верно. Нос.

Аркадий. Что — нос?

Женя. Неважный у вас нос. Длинный.

Аркадий. Ну вот видите, тетя. Все против моей женитьбы. Даже Женечка.

Анна Ивановна. Ну конечно, тебе чей угодно совет дороже моего. Ты бы еще у Сергея Ильича спросил совета...

Аркадий. А что вы так сердито? Опять Сережка что-нибудь натворил?

Анна Ивановна. Натворил? Нет, он просто сел вчера против Любовь Сергеевны и спросил ее, зачем она сюда ходит, все равно он не разрешит тебе на ней жениться.

Аркадий. Так и сказал?

Анна Ивановна. Так и сказал.

Аркадий. Молодец! Вот что значит друг!

Анна Ивановна. Я боюсь, что скоро этот твой друг увезет из этого дома твою сестру.

Аркадий. А что, разве есть какие-нибудь тревожные симптомы?

Анна Ивановна. Не знаю, может быть, у вас так и принято. Сегодня, чтобы спросить, дома ли она, он забрался в окно. Теперь, чтобы сделать предложение, он, должно быть, влезет через трубу, а чтобы жениться, он просто разберет стену и увезет Варвару. Бог знает что!

Аркадий. А вы не делайте вид, что возмущены. Ведь в глубине души вам все это нравится!

Анна Ивановна. Мне?

Аркадий. Вам. Вас же самих в тысяча восемьсот

девяносто восьмом году, когда вы были актрисой, гусар через окно похитил. Не спорьте, сами рассказывали. Видите, я даже год запомнил. И Сережка вам нравится. Он вам напоминает того гусара. Ну вот, вы даже покраснели.

Анна Ивановна. Влезать в окно только для того, чтобы спросить, дома ли? Нет, я тревожусь за Варю.

Вбегает Варя.

Варя. Что тут говорят о Варе? Наверно, опять говорят, что она душечка, да?

Аркадий. Нет.

Варя. А что еще можно сказать о Варе?

Аркадий. Очень многое. Во-первых, что она ленивая девчонка и сегодня опять проспала и, наверное, опоздала в свой театральный техникум.

Варя. Да, но она так бежала.

Анна Ивановна. Во-вторых, что она сегодня опять не поздоровалась со своей теткой.

Варя. Я утром поздоровалась.

Анна Ивановна. Не заметила.

Варя. Когда вы еще спали. Ну, в чем я еще виновата?

Женя. Я видела, как ты сегодня опять вела за собой по улице сразу четверых молодых людей. Один нес твой портфель, другой — косынку, третий — берет, четвертый — сумочку.

Анна Ивановна. Сразу четверо? Нехорошо!

Варя. Я не виновата, они сами шли. Я предпочла бы идти с одним.

Аркадий. А с кем, позвольте спросить?

Варя. С принцем. Как все хорошие девочки, я придумала себе принца. И очень люблю его.

Аркадий. Между прочим, этот твой принц сегодня влез в окно и спрашивал, дома ли ты.

Варя. Правда? Молодец! Постойте, а о ком вы говорите, кто влез в окно?

Аркадий. Сережка.

Варя. ...А я думала, принц. *(Пауза.)* Тетя, а я вам что достала!

Анна Ивановна. Что?

Варя. «Еще десять лет спустя, или Виконт де Бражелон». Здорово, а?

Анна Ивановна *(с деланным равнодушием)*. Спасибо.

Варя. Тетя, не делайте при гостях вид, что вы больше любите Льва Толстого. Все же знают: Дюма, шпаги, плащи — это ваша стихия.

Анна Ивановна. Вечно ты, Варвара... Давай книгу.

Анна Ивановна ушла.

Варя. Теперь могу сообщить вам потрясающую новость.

Аркадий. Непременно потрясающую?

Варя. Непременно. Иван Григорьевич переходит в Москву в Малый театр. Малый театр! И знаете, что он обещал? Он обещал зимой или весной Зойку Петрову и меня, как самых способных, перевести туда в театральное училище. Это будет великолепно. Варя соберет весь свой роскошный гардероб, и ее ученый брат понесет ее вещи к московскому поезду. А через десять лет по городу развесят афиши — гастроли В. Бурминой или даже В. А. Бурминой. И все будут спрашивать, какая же она из себя, эта В. А. Бурмина, и вдруг увидят Варю...

Аркадий. Ты так радуешься, как будто уезжаешь завтра, а не через полгода.

Варя. Когда мне чего-нибудь очень хочется, мне всегда кажется, что это будет завтра. Женька! У меня тут с Аркадием мужской разговор будет.

Женя. Хорошо, я сейчас уйду.

Аркадий. Женечка, вы пока достаньте препараты. Я сейчас тоже приду.

Женя уходит.

Ну, что за страшную тайну ты имеешь мне сообщить?

Варя *(обнимая его)*. Аркаша, я его так люблю... Тебе больно, да?

Аркадий *(с трудом поводя шеей)*. Нет, ничего. Если я выживу, то потом расскажу ему, как ты его любишь.

Варя. А все-таки мне хочется ехать учиться в Москву, в театр, даже если он не поедет. Значит, я его не люблю?

Аркадий. Нет. Это просто значит, что ты становишься большой, Варька! Если веришь в себя, надо ехать в Москву и ни о чем не думать и не жалеть.

Варя. Мне очень хочется объяснить это Сереже, но я боюсь — вдруг он не поймет и обидится.

Аркадий. Поймет. И потом, если он тебя и правда любит, ты можешь уезжать хоть за тридевять земель, расставаться хоть на пять лет, он все равно до тебя доберется.

Варя. Вечно ты его хвалишь. Если бы мы жили на Востоке, ты бы давно уже ему меня в жены продал!

Аркадий. Конечно. Я и так удивляюсь, что он тебя не увозит. Нанял бы карету, а ты бы связала простыни и к нему вниз через окно, и венчаться. А я бы, как брат,— в погоню. Но только так, для виду, догонять бы не стал, шут с вами, венчайтесь.

Входит Володя Гуляев.

Варя. А, Володенька!

Володя. Здравствуй!

Аркадий. Здравствуй.

Варя. Что ты? Ты же собирался зайти завтра.

Володя. Да, но, видишь ли...

Аркадий ушел.

Варя. Что случилось?

Володя. Я хотел с тобой поговорить.

Варя. О чем?

Володя. О Сергее.

Варя. Заходи.

Володя. Только ты можешь на него повлиять. Он сегодня опять черт знает что натворил в институте.

Варя. Опять?

Володя. Да. И на этот раз его собираются выгнать.

Варя. Что же он сделал?

Володя. Ну, он, как всегда, конечно, считает, что ничего особенного.

Варя. Ну а все-таки?

Володя. Его послали для практики читать литературу в девятую группу. Ну, он один час почитал им о Достоевском, а в начале второго вдруг сказал: «Знаете что, ребята? Достоевский, конечно, гениальный писатель, но лично я его не люблю. Поговорили о нем, и хватит. Пойдемте лучше до перемены в волейбол погоняем».

Варя. Ну?

Володя. Ну и гоняли до перемены. Потом, конечно,

все узнали. Ты скажи ему, а то ведь этому просто конца нет. Его выгонят, и все.

Варя. Хорошо, я скажу ему. Ну что еще?

Пауза.

Володя. Я шел мимо кино. Там идет новый звуковой фильм «Путевка в жизнь». Я взял билеты.

Варя. Что-то не хочется, Володенька...

Володя. Почему?

Входит Сергей Луконин.

Сергей. Варя! Здравствуй, Варя. *(Смотрит на Володю, медленно подходит к нему и говорит что-то на ухо.)*

Володя отрицательно качает головой.

Варя. Что ты ему сказал?

Сергей. Так, ничего, пустяки. *(Опять что-то шепчет на ухо Володе.)*

Володя, покраснев, снова отрицательно качает головой.

Варя. Сейчас же скажи, что ты там шепчешь?

Сергей. Я хотел ему тихо, а он... В общем, я ему говорю, чтоб он шел. Чего он тут сидит?

Варя. С ума ты сошел, уходи сейчас же!

Сергей. Говорят тебе — уходи, ну и уходи!

Варя. Я не ему.

Сергей. Ему, ему. Ну, что же ты, иди, потом объяснимся. *(Выпроводив Володю за дверь, возвращается.)*

Варя. Сейчас же убирайся вон, я не позволю, чтоб у меня в доме...

Сергей. Чего ты не позволишь? Ты что, хочешь, чтоб он тут сидел? Так я сейчас побегу, верну его. Только правда хочешь?

Варя. Нет...

Сергей. Ну так в чем же дело? Я его уже три раза предупреждал, чтоб не ходил. Нечего ему тут делать. Что он, в самом деле, ходит?

Варя. Дружит со мной, вот и ходит.

Сергей. Дружит? Это он только так, из трусости говорит. А на самом деле ухаживает за тобой. Да-да.

Варя. Но ведь ты тоже ходишь?

Сергей. Я? Я — другое дело. Я так прямо и говорю, что ухаживаю, а потом возьму и женюсь.

Варя. То есть как это? Возьмешь и женишься? А я вот возьму и не пойду за тебя замуж.

Сергей. А я подожду.

Варя. А я и потом все равно не выйду.

Сергей. А я еще подожду.

Варя. Никогда не выйду.

Сергей. Выйдешь.

Варя. Не выйду!

Сергей. Я тебя знаешь как люблю? Я для тебя что угодно готов сделать. Даже глупость. Хочешь, сейчас со второго этажа прыгну?

Варя. Нет, не хочу.

Сергей. Жаль, а то бы прыгнул.

Варя. Вечный ты хвастун. «Женюсь», «прыгну»!

Сергей. Хвастун? Ну что ж, пожалуй, верно. До скорого свиданья. *(Прыгает.)*

Варя *(подбегает к окну)*. Сумасшедший!

В окне появляется Сергей.

Ты не ушибся?

Сергей. Нет. Во-первых, не так уж высоко. А во-вторых, две недели предварительной тренировки тоже что-нибудь да значат. *(Пауза. Влезает в окно.)*

Варя. Ты не ушибся?

Сергей. Нет, не бойся, каждый день не буду прыгать. Скоро уеду.

Варя. Куда уедешь?

Сергей. Куда? Ну, ладно, семь бед — один ответ. На, читай. *(Протягивает ей бумажку.)*

Варя *(читает)*. «Танковая школа, Омск»... Ой, как далеко! Сережа, зачем, когда ты это решил?

Сергей. Давно, Варенька, еще месяц назад.

Варя. И все время молчал!

Сергей. Так я же не знал, примут ли. Опять бы вы все кричали, что я хвастаюсь.

Варя. Но тебе еще не скоро ехать, да?

Сергей. Завтра.

Варя. А как же я? Так вдруг и так далеко... Ты же говорил... Как же ты можешь...

Сергей. Могу, Варенька... И уехать могу и потом приехать за тобой, увезти тебя к себе. Все могу.

Варя. Сережа... останься.

Сергей. Нет. Поеду. Я давно этого хочу.

Варя. Мне трудно здесь будет без тебя.

Сергей. Хорошо.

Варя. Что ж хорошего?

Сергей. Хорошо, что трудно, значит, любишь меня.

Варя. Уезжай куда хочешь... Мне все равно. Я тоже уеду.

Сергей. Куда?

Варя. В Москву. В театр... учиться. Уеду и думать о тебе забуду!

Сергей. Значит, в Москву? Ну что ж, кончу школу и приеду за тобой в Москву.

Варя. Никуда ты не приедешь.

Сергей. Приеду. Приеду и увезу тебя.

Варя. Сережа, уйди! Скорей уйди, а то я в тебя чем-нибудь брошу.

Сергей. Бросай, все равно приеду и увезу.

Варя. Сейчас же уходи, слышишь? Или ты завтра никуда не едешь, или сейчас же отсюда уходишь.

Сергей. Все наоборот. Завтра я уеду, а сейчас не уйду.

Варя. Ну, так я уйду. *(Убегает.)*

Сергей *(вслед ей)*. Варя! *(Садится.)*

Входит Петька.

Петька. Что с Варварой? Она как ненормальная, чуть меня не сшибла.

Сергей *(после паузы)*. Где у вас бумага и конверты? Быстро.

Петька, порывшись на этажерке, подает бумагу и конверт. Сергей, присев к столу, пишет.

Петька. Поссорились? А ты когда едешь? Завтра?

Сергей. Ага.

Петька. Здорово!

Сергей. Как ты думаешь, придет она меня проводить, а?

Петька. Придет! Покажи бумажку.

Сергей протягивает бумажку.

Танковая школа, Омск. Здорово! Печать со звездой. Это всегда так — печать со звездой?

Сергей. Да.

Петька. А на сколько едешь?

Сергей. На два года.

Петька. А потом?

Сергей. Командиром буду.

Петька. Командиром чего?

Сергей. Бригады.

Петька. Сразу бригады?

Сергей. Ну, не сразу.

Петька. А как же Варя?

Сергей. Кончу школу — приеду и женюсь.

Петька. А она вдруг возьмет и тут за другого выйдет?

Сергей. Не выйдет.

Петька. А если тут к ней опять Володька Гуляев ходить будет, мы с ребятами ему ноги переломаем. Ты только слово скажи.

Сергей. Не надо. Сама прогонит.

Петька. А если не прогонит, мы переломаем, ладно?

Сергей *(улыбнувшись)*. Ладно. Вот что. *(Вкладывает листок в конверт.)* Если завтра Варю не увижу... в общем, если она не придет меня проводить, ты ей это послезавтра отдай. Понял?

Петька. Понял. А ты запечатать-то забыл?

Сергей. Это принято так, не запечатывать. Правило хорошего тона. Значит, доверяешь тому, кто письмо передает,— и не запечатано, а все равно не прочтет. А если прочтешь — убью, понял?

Петька. Понял. *(Пауза.)* А ты еще не уходишь?

Сергей. Нет еще. А что?

Петька. Так просто спросил.

Сергей. Насколько я понимаю, господина дипломата интересует мой велосипед. Он стоит в подъезде. В вашем распоряжении есть десять минут.

Петька. Я только три круга по двору. *(Исчезает.)*

Сергей. Аркаша, на минутку! Аркаша!

Входит Аркадий.

Аркадий. Здорово! Ну, что слышно?

Сергей. Получил. Завтра еду.

Аркадий. Значит, это уже не тайна. Целый месяц хранил ее честно и притом бесплатно. Цени меня!

Сергей. Ценю. Хотя, судя по сегодняшнему, кажется, лучше было сказать ей это заранее. Она тут мне такое устроила...

Аркадий. Кстати, где она?

Сергей. Убежала.

Аркадий. Ей-богу, хоть бы ты увез ее с собой. И тебе хорошо, и мне легче.

Сергей. Она мне тут наговорила... Ничего, Аркаша, не горюй, еще увезу когда-нибудь. *(Пауза.)* Ну, вот я и уезжаю. Да, все хорошо. Только время, время...

Аркадий. Что — время?

Сергей. Уходит. Двадцать два года — не шутка! «Товарищ Луконин, в порядке комсомольской дисциплины. Стране нужны педагоги!» Дисциплина — дисциплиной, а в институт пошел все-таки зря. Не повезло. Двадцать два, а к тридцати человек — или уже человек, или нет. Одно из двух. Суворов знаешь к тридцати годам кем был? Хотя нет, Суворов как раз нет, он к тридцати годам даже полковником не был. Но это не важно, он не был, а я буду.

Аркадий. Опять хвастаешься?

Сергей. Нет, просто верю. Знаешь, Аркаша, когда на параде знамена проносят, красные, обожженные, пулями простреленные, у меня слезы к горлу подступают. Мне тогда кажется, что за этими знаменами можно всю землю пройти и нигде не остановиться. *(Пауза.)* Многие мечтают на родине умереть, а я нет. Я, если придется, хотел бы на чужой земле, чтоб люди на своем языке — на китайском, на французском, испанском, на каком там будет — сказали: «Вот русский парень, он умер за нашу свободу!» И спели бы не похоронный марш, а «Интернационал». Он на всех языках одинаково поется. Ты только не смейся, Аркаша. Я понимаю, конечно, смешно: еще формы не надел, а уже и полководец, и если погибну...

Аркадий. Я не смеюсь. Я верю. Когда поезд? Вечером?

Сергей. Вечером. Приедешь?

Аркадий. Конечно.

Входит Варя.

Варя. Ты еще здесь? Уходи сейчас же, или я опять уйду.

Сергей *(молча поглядел на нее)*. Завтра проводить придешь, два года ждать будешь, а потом замуж за меня выйдешь, а иначе...

Варя *(резко)*. Что иначе?

Сергей. А иначе... Очень плохо мне будет жить, Варя. Не делай иначе. *(Быстро уходит.)*

Занавес

Варя *(перед занавесом)*. Так и уехал. Решил — и уехал. Надолго и далеко. Писал редко и мало, но и я, конечно, отвечала ему тем же... Так прошло два года...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Через два года. Маневры в танковой школе. Осенний пейзаж. На заднем плане виден сломанный деревянный мост через небольшую речку. Начальник танковой школы Васнецов, командир роты и курсант Гулиашвили, все в кожанках, в походном снаряжении.

Васнецов. Значит, вы приказали искать брод, а Луконин повел машину напрямик, через этот мостик, в результате чего произошла авария?

Командир. Да, я приказал искать брод, потому что считаю, товарищ начальник школы, что такие временные мостики непригодны для прохода танков.

Васнецов. Ну, я этого, положим, не считаю. Но, так или иначе, вы ясно и четко приказали искать брод?

Командир. Да, точно.

Васнецов. Кто видел, как это произошло?

Командир. Курсант Гулиашвили.

Васнецов. А где Луконин?

Командир. Сейчас явится.

Васнецов. Ну расскажите, Гулиашвили. Вы видели?

Гулиашвили. Да, товарищ начальник школы. Луконин повел головной танк через этот мостик. Мост обрушился. Глубина — два метра. Луконин и башенный стрелок выскочили, а механик-водитель... Я считаю, товарищ начальник школы, что если бы не Луконин, то водитель погиб бы.

Командир. Если бы не Луконин, то водитель вообще бы не попал в воду.

Васнецов. Подождите. (*Гулиашвили.*) Почему водитель мог погибнуть?

Гулиашвили. Он внизу захлебнулся. Луконин

три раза нырял с опасностью для жизни. Открыл люк и вытащил водителя. Я думаю, товарищ начальник школы, что это подвиг, если человек может такое сделать... такое сделать... Я очень прошу, товарищ начальник школы, чтобы вы учли это...

Васнецов. Товарищ Гулиашвили...

Гулиашвили. Я не могу не просить за друга... Вы извините, товарищ начальник школы.

Васнецов. Товарищ Гулиашвили! Мы с вами не в семилетке, а в военной школе. Вас вызвали не для того, чтобы вы друзей выгораживали. Понятно вам это?

Гулиашвили. Понятно, товарищ начальник школы.

Васнецов. Что вы еще можете рассказать?

Гулиашвили. Ничего, товарищ начальник школы, я только хотел вам сказать, что такой человек, который с риском для жизни...

Васнецов (*безнадежно махнув рукой, прерывает его*). Вы свободны. Можете идти, отдыхайте.

Гулиашвили выходит и, встретившись по дороге с Сергеем, делает ему ободряющий жест.

Сергей (*в кожанке, в туго нахлобученном шлеме*). Явился по вашему приказанию, товарищ начальник школы.

Васнецов. Вы получили от командира роты приказ искать брод?

Сергей. Да, товарищ начальник школы.

Васнецов. Вы его выполнили?

Сергей. Нет, товарищ начальник школы.

Васнецов. А вы знаете, что маневры — это почти война?

Сергей. Знаю.

Васнецов. За невыполнение приказа двадцать суток ареста. В четырнадцать часов здесь будет адъютант, обратитесь к нему и доложите, что я приказал отправить вас на машине в город на гауптвахту. Повторите.

Сергей. Обратиться к адъютанту и доложить, что вы приказали отправить меня на гауптвахту. Разрешите идти?

Васнецов. Нет. Теперь объясните, почему не выполнили приказ.

Сергей. Я думал, товарищ начальник школы, что маневры — это почти война, а если бы я искал брод, как приказал товарищ командир роты, то я бы не смог выполнить задачу. Я считаю, что легкие танки могут на большой скорости проскакивать такие мосты.

Васнецов. Может быть, но раньше надо было проверить, попробовать.

Сергей. Я много раз просил об этом товарища командира роты, но он не разрешал.

Васнецов (*командиру роты*). Вы свободны.

Командир роты ушел.

Сергей (*пошатнувшись*). Я решил на свой страх.

Васнецов. Что с вами?

Сергей. Ничего, товарищ начальник школы. Волнуюсь. Не рассчитал, не выдержал мост.

Васнецов. Что еще можете сказать?

Сергей. Все, товарищ начальник школы.

Васнецов. А почему вы не говорите, как спасли водителя?

Сергей. Считаю, что это не относится к делу.

Васнецов. Ну а все-таки, как вы его спасли?

Сергей. Сказать по правде, здорово спасал.

Васнецов. Хвастаетесь?

Сергей. Я не хвастаюсь, товарищ начальник школы. Так и было. Я первый пловец по всей Волге, если бы не это, никогда бы его не спас. Очень трудно. Люк тяжелый. Три раза нырял. (*Опять пошатнувшись.*) Могу идти?

Пауза.

Васнецов. Слушайте, Луконин, вы все-таки понимаете, что вы наделали?

Сергей. Понимаю.

Васнецов. Нет, не понимаете. Теперь что я должен: под суд вас отдать, поставить вопрос о вашем пребывании в партии? Вы вели себя, как мальчишка. Угробили машину. Чуть не убили людей. Новаторство в нашем деле связано с кровью, зарубите себе это на носу.

Сергей (*глухо*). Товарищ начальник школы!

Васнецов. Ну!

Сергей. Я вас очень прошу... Я даже не могу подумать о том, чтобы... Армия для меня — это все. Вся жизнь. Я сознаю, я один виноват во всем, но если мне

будет позволено, я докажу, что это случайность, сто раз рассчитаю и докажу, что танки могут все. У нас даже еще не понимают, что они могут делать! Все. Я не за себя прошу! Потом делайте со мной что хотите, хоть под суд. Только дайте мне доказать.

Васнецов (*задумчиво*). Не знаю, что с вами делать. И это перед самым выпуском из школы... Мне будет очень жаль, если придется вас отчислить. (*Встает.*) Но боюсь, что все же придется. (*Уходит.*)

Сергей проходит несколько шагов, садится. Тихо входит Гулиашвили.

Гулиашвили. Что с тобой, дорогой? Плохо, дорогой?

Молчание.

Сергей (*с трудом подняв голову*). Это ничего, пройдет. А вот все остальное плохо, Вано, очень плохо.

Гулиашвили. Что, все объяснил начальнику?

Сергей. Все. Почти все. Ты понимаешь, какая глупость. Ведь прошел бы танк. Он не потому рухнул, что мост не выдержал, а потому что застрял посреди моста, бензопровод засорился. Чертов сын водитель, три раза его спрашивал: «Проверил?» — «Проверил». Убить его мало за это.

Гулиашвили. Объяснил начальнику?

Сергей. Нет.

Гулиашвили. Водителя пожалел?

Сергей. Пожалел? Я жалею, что из воды его, сукиного сына, вытащил. Что его жалеть... Я ему такое устрою, когда с губы выйду. А начальнику что ж говорить? «Я не виноват, водитель виноват!» А я где был? Где я был, когда сто раз самому надо было проверить? (*Пауза.*) А танки все равно еще будут через такие мосты перелетать и через рвы будут прыгать. Все будут делать. Только я этого, пожалуй, не увижу.

Гулиашвили. Почему, дорогой?

Сергей. А потому, что выгонят меня из армии, вот почему.

Молчание.

Тридцать три несчастья у меня сегодня, Вано.

Гулиашвили. Еще несчастье?

Сергей (*протягивая письмо*). На вот, прочитай.

Гулиашвили. От нее?

Сергей. От нее.

Гулиашвили (*читая*). Ай-ай-ай!

Сергей. Ясно, соскучилась, два года не видала. Письма редко пишу. А я часто писать не люблю. Часто писать — скоро забудет.

Гулиашвили. Полную отставку тебе дают.

Сергей. Пусть что хочет пишет — все равно приеду в отпуск в Москву и увезу ее.

Гулиашвили. Хорошо. Вместе поедем, вместе увозить будем. Возьмешь меня?

Сергей. Возьму. (*Пауза.*) Эх, Вано, как бы я хотел в Москву попасть хоть на день, хоть бы одним глазком посмотреть, как она там. Театральное училище... Знаешь, она красивая. Наверно, ходят там всякие кругом.

Молчание.

(*Смотрит на часы.*) К адъютанту надо являться.

Гулиашвили. Зачем?

Сергей. На губу садиться. Двадцать суток. Как ты думаешь, отчислят меня из школы, а?

Гулиашвили. Что ты, дорогой!

Сергей. Да брось ты утешать меня! Правду говори: как думаешь?

Гулиашвили. Правду? Не знаю, дорогой, боюсь, что отчислят.

Занавес

Гулиашвили (*перед занавесом*). Отчислят или не отчислят? Сколько гадали тогда об этом все мы — его товарищи, как переживали, пока он сидел там, на гауптвахте, или, как у нас, военных, говорится, на губе. Двадцать суток — легко сказать! Но потом, ведь все когда-нибудь кончается,— кончились и эти двадцать суток, миновали. Миновал и еще год, и второй, и третий, и вот в маленьком гарнизонном городке, как это водится, не обозначенном на картах, где-то недалеко от границы в песках Средней Азии, весной 1937 года...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Весна 1937 года. Военный городок где-то в Средней Азии. Квартира Сергея. Двери прямо в переднюю и на веранду. За столом — Сергей, в форме старшего лейтенанта, и Полина Францевна Сюлли. На стене — большая карта Европы.

Сергей (*читает*). Ces plaines désertiques ne permettent pas l'avancement rapide des troupes. Vu l'absence complète d'arbres naturels celles-ci sont toujoure a la merci d'une attaque imprévue de l'adversaire. (*Захлопывает книгу.*) На сегодня довольно. Хорошо?

Полина Францевна. Хорошо.

Сергей. Как ни говорите, Полина Францевна, а я, по-моему, делаю огромные успехи.

Полина Францевна. Вы бы подождали, пока я это скажу.

Сергей. Нет, правда, ей-богу, молодец.

Полина Францевна. Ну, если считать, что это первый урок после вашего отпуска...

Сергей. Вы только подумайте, какое прилежание! Человек два года не был в отпуске — и что он берет с собой в московский поезд?! Он берет с собой учебник французского языка, и, вместо того чтобы спокойно пить пиво в вагон-ресторане, он с тоской смотрит в окно и зубрит неправильные глаголы: je fais, tu fais, il fait, nous faisons, vous faites, ils font.

Полина Францевна. Браво! Меня очень растрогало, когда вы захотели брать уроки французского. Все занимаются английским, считают — нужнее.

Сергей. И правильно считают, я тоже занимаюсь английским.

Полина Францевна. Да, но вы и французским.

Сергей. А мне все нужно, Полина Францевна. Я жадный.

Полина Францевна. Ну какой же вы жадный!

Пауза.

Сергей. Вы не скучаете по родине, Полина Францевна?

Полина Францевна. Скучаю? Нет, я ее вспоминаю. Далеко. Очень далеко. Я ведь родилась в Тулузе.

Сергей. Тулуза — ну что ж, это хороший город.

Полина Францевна. Да, узкие улочки, старые дома с черепичными кровлями.

Сергей. Металлургические заводы, железнодорожный узел. Что еще? Да, аэродром Трансъевропейской компании.

Полина Францевна. Аэродром? Не знаю...

Сергей. Когда вы там жили, его еще не было. Он с тридцатого года. Вы говорите, с черепичными кровлями?

Полина Францевна. Да.

Сергей. Красивые?

Полина Францевна. Да, очень.

Сергей. Если не ошибаюсь, это недалеко от испанской границы?

Полина Францевна. Да, близко.

Сергей. А вы никогда не бывали в Испании?

Полина Францевна. Нет, только много раз хотела. Но у меня никогда не было достаточно денег. Говорят, Мадрид очень красив...

Сергей. Был. Сейчас там бои.

Полина Францевна. Да, я сегодня опять читала в «Правде». Его бомбят каждый день. Какой это ужас — война. Хорошо хоть, что она достаточно далеко от нас.

Сергей. Война никогда не бывает достаточно далеко от нас.

Полина Францевна. Что вы этим хотите сказать?

Сергей. Пока ничего. (*Пауза.*) А все-таки тоскуете по родным местам?

Полина Францевна. Не знаю. Это было так давно, слишком давно, Сергей Ильич. Если бы мне тогда было хорошо, я бы не уехала в чужую страну гувернанткой. Боже мой, сколько богатых и холодных домов, сколько чужих и скучных людей! А если люди были немножко лучше, то они старались для меня это сделать немножко похожим на настоящий дом,— и тогда бывало еще хуже...

Сергей. А сейчас?

Полина Францевна. Сейчас? Сейчас нет. В этом военном городке никто не старается сделать вид, что здесь мой дом. И, может быть, поэтому я сама все больше чувствую, что я дома. Мне приятно, что меня вызывает полковник и говорит: «Товарищ Сюлли, доложите командованию о вашем плане командирской учебы». И я докладываю ему о своем плане командирской учебы. А вы... только не сердитесь, Сергей Ильич...

Сергей. Что мы?

Полина Францевна. Вы все очень хорошие, хотя у всех у вас ужасное произношение, и я не знаю — может быть, там где-нибудь на маневрах вы суровые командиры, но у меня на уроках вы, наверно, вспоминаете школу и ведете себя, как дети. «Полина Францевна, а можно — мы лучше будем десятый параграф, там с картинками, интересней». Как дети. Было даже несколько случаев, когда мне поверяли свои сердечные тайны.

Сергей. Вот как?

L'absence est à l'amour
Ce qu'au feu le vent:
Il étaint le petit
Et allume le grand.

Полина Францевна. Но, по-моему, этих слов любви не было ни в одном из уроков, которые я вам задавала.

Сергей. Да, я выучил их по личной инициативе. Здорово выучил, да?

Полина Францевна. Да, но вот только произношение...

Сергей. Вот и она мне тоже сказала: «Да, но вот только произношение...».

Полина Францевна. Она? Кто — она?

Сергей. Жена моя. (*Спохватывается.*) Умоляю, не выдавайте меня.

Полина Францевна. Что случилось, Сергей Ильич?

Сергей. Вы, наверное, слышали, что я поехал в Москву за невестой?

Полина Францевна. Да. Но я боялась спросить, вдруг...

Сергей. Никаких «вдруг». Все в порядке. Я на ней женился.

Полина Францевна. О! Поздравляю вас, прекрасно!

Сергей. Конечно, прекрасно! Но только... я обещал друзьям, что устрою тут роскошную свадьбу... я знаю, они уже приготовили подарки... и вдруг... Но что я мог сделать! У нее тоже свои друзья в Москве и тоже упрямый характер, и мы сыграли эту роскошную свадьбу не здесь, а там.

Полина Францевна. Да, здесь будут огорчены. Капитан Севастьянов сказал мне по секрету, что он специально настрелял сорок перепелов и отправил их в холодильник.

Сергей. Сорок перепелов! Ой! Они просто убьют меня. Вы должны хранить полное молчание.

Полина Францевна. Хорошо, но чем это может помочь вам?

Сергей. Как — чем? Они же тогда ничего не узнают. Я согласился играть свадьбу в Москве только с тем условием, что мы и здесь тоже будем играть свадьбу. Это даже интересно — две свадьбы. Не со всяким бывает. Но только полная тайна.

Полина Францевна. Хорошо. Тайна. А когда приезжает ваша жена?

Сергей. Завтра. Если бы вы знали, что это за девушка!

Полина Францевна. Очень хорошая?

Сергей. «Хорошая»! Это мало сказать! Когда она улыбается, то я готов достать ей луну с неба, только бы она улыбнулась еще раз.

Полина Францевна. Вы так влюблены, Сергей Ильич, что даже — только, пожалуйста, не сердитесь — чуть-чуть поглупели.

Сергей. Поглупел? Наверно. Я сегодня утром выстроил роту и делал проверку. Но вместо «равнение напра-во» мне хотелось крикнуть: «Знаете, ребя-та, а ведь она меня любит! Она ко мне приезжает!» (*Пауза.*) Все бросила, Полина Францевна: Москву, театр и едет сюда ко мне, в нашу Тьму-Таракань, в глушь. Вот какая девушка. Она говорит, что если есть талант, то всюду можно играть, а если еще я буду сидеть в первом ряду партера, то, значит, вообще все хорошо. Боюсь, что я теперь все время буду сидеть в первом ряду партера. Как вы думаете, а?

Стук в дверь.

Кто там?

Глухой бас. Почта!

Сергей отворяет дверь. В дверях стоит Варя, в летнем платье, без всяких вещей.

Товарищ Луконин, вам из Москвы посылка. Примите и распишитесь.

Сергей. Ты же должна была завтра! Мы тут собрались тебя встречать.

Варя. Хорошо. Я завтра поеду обратно на вокзал и сделаю вид, что только что приехала, а вы сделаете вид, что меня встречаете. Ладно?

Сергей *(смеясь)*. Ладно! Полина Францевна, познакомьтесь.

Полина Францевна. Сюлли.

Варя. Варя. Он мне рассказывал о вас. Значит, это вы, бедная, страдаете от его ужасного произношения?

Полина Францевна. Нет, почему же... Сергей Ильич...

Варя. Только не защищайте его. Все равно я давно знаю, что он ленив, упрям и... что-то еще... Я забыла, Сережа, напомни, что ты еще?

Сергей. Еще я дурно воспитан.

Варя. Да, и еще он дурно воспитан. Но все-таки я его люблю, а это главное!

Сергей. А где же твои вещи?

Варя. Я по дороге взяла носильщика.

Сергей. Ну?

Варя. Ну и он лезет, наверно, по лестнице, бедняга, сгибаясь под тяжестью моих чемоданов. Носильщик!

Голос. Иду!

Варя. Дай ему сколько-нибудь, Сережа.

Сергей достает деньги, и в эту секунду в дверях появляется нагруженный чемоданами Аркадий.

Сергей. Аркашка! Молодец! В такую даль — это, брат, не шутка!

Аркадий. Брат? Это, конечно, не шутка. Быть братом — это, как видишь (*показывает на чемоданы*), тяжелая профессия. Но все-таки сестра, плохая, но сестра, — пришлось провожать. Если бы ты жил поближе, не поехал бы. Но я решил, что поезда сюда и отсюда все равно идут так долго, что я успею провести в них свой отпуск.

Сергей. Знакомься, Аркаша.

Аркадий. Здравствуйте. Бурмин.

Полина Францевна. Сюлли.

Аркадий. Так это вы...

Варя (*перебивая*). Насколько я поняла, ты собираешься пожалеть Полину Францевну за то, что она мучается с Сережкиным произношением.

Аркадий. Да, сознаюсь, мне пришла в голову эта мысль.

Варя. Лучше распакуй чемодан.

Сергей. Я вижу, тобой по-прежнему помыкают.

Аркадий. И не говори! Пока я был доцентом, меня еще как-то жалели, теперь я профессор и из меня сделали носильщика, а когда я стану академиком — меня, наверно, совсем превратят в мальчика на побегушках. Раньше мы хоть бегали пополам с Петькой... да, кстати... Петька удрал из дому...

Сергей. А где он?

Аркадий. Не знаю. Удрал куда-то на Памир с геологической экспедицией.

Сергей. Молодец!

Аркадий. Шалопай!

Сергей. А что Женечка, как она?

Аркадий. Кончила институт. Уехала в Астрахань. Весной.

Сергей. Это я знаю. Пишет?

Аркадий. Иногда.

Сергей. Значит, все по-прежнему? Эх ты!..

Аркадий. Я категорически прошу тебя...

Сергей. Эх, профессор, профессор... учить тебя да учить.

Полина Францевна. Я пойду, Сергей Ильич!

Варя. Ни за что! Вы хотите меня оставить на растерзание этим двум обезьянам? Они ведь через минуту забудут обо мне и начнут вспоминать свои школьные годы. Нет, вы непременно должны остаться. Сережа, а где же твои хваленые друзья? Где твой Гулиашвили, где твой Севастьянов? Я немедленно хочу их видеть!

Сергей. Сейчас я им позвоню.

Варя. Я сама позвоню. Какой номер у Гулиашвили?

Сергей. Четыре-семнадцать.

Варя. Его зовут Вано?

Сергей. Да.

Варя. Где телефон? (*В телефон.*) Четыре-семнадцать... Вано?.. Здравствуйте, Вано... Я говорю... Нет, вы меня не знаете... Нет, не видели... Нет, и я вас не видела, но это не важно. Я хочу вам назначить свидание. (*Прикрыв трубку.*) Он спрашивает, интересная ли я. Как по-твоему?

Сергей кивает.

Да, я очень интересная, ей-богу. Вот и Сережа тоже кивает, что интересная... Какой Сережа? Сережка, он тебя не знает!.. Ах, знаете? Ну бегите, бегите! (*Вешает трубку.*) А Севастьянова какой телефон?

Сергей. Не надо. Ему Гулиашвили скажет. А если ты позвонишь... Нет, не надо.

Варя. Почему?

Сергей. Он у нас робкий. Испугается женского голоса и убежит в степь до утра на охоту.

Полина Францевна. Правда, капитан Севастьянов — очень застенчивый человек.

Варя. Неужели? Слава богу, будет рядом хоть один застенчивый человек. Мне так надоели хвастуны. Если бы вы только знали, Полина Францевна, какой он хвастун.

Полина Францевна. Ну что вы...

Варя. Разве он вам не клялся, что через год будет знать французский язык лучше вас?

Полина Францевна. Нет... Правда, Сергей Ильич обещал вначале изучить язык за месяц.

Сергей. Я просто тогда не знал, что на этом языке все слова произносятся иначе, чем пишутся.

Варя. Аркаша, а ну давай учиним семейный допрос. Полина Францевна, как тут вел себя без нас этот мальчик? Довольны ли им старшие?

Полина Францевна. Да, очень. Я слышала, как Алексей Петрович недавно очень хвалил его.

Варя. Кто это — Алексей Петрович?

Сергей. Наш полковник. Он правда хвалил меня?

Полина Францевна. Да, очень.

Сергей. С ним не угадаешь! Сначала чуть не выгнал меня из школы, потом, когда переводился сюда, взял с собой. В глаза бранит, за глаза хвалит.

Варя. Он, кажется, просто знает твой характер.

Стук в дверь. Входит Гулиашвили. Он, как и Сергей, в форме старшего лейтенанта.

Гулиашвили (*обнимая Сергея*). Поздравляю, дорогой, с приездом красавицы невесты.

Сергей. Спасибо, дорогой!

Варя. Вы даже на меня не посмотрели.

Гулиашвили (*зажмурившись*). Не хочу смотреть,

и так знаю, что красавица. Мой друг другой привезти не мог. Ну конечно, красавица!

Варя. Все-таки здравствуйте.

Гулиашвили. Здравствуйте. Поздороваться можно потом, сначала в глаза посмотреть надо. (*Смотрит на Варю.*) Хорошие глаза. В такие глаза час посмотреть — потом умирать не страшно! Вано Гулиашвили.

Варя. Варвара Бурмина.

Гулиашвили (*Аркадию*). Гулиашвили.

Аркадий. Бурмин.

Гулиашвили. С ней приехал? Да?

Аркадий. Брат.

Гулиашвили. Не такой красивый, но похож. Когда свадьба?

Сергей. Завтра.

Гулиашвили (*Аркадию*). Ну, значит, нам с тобой, дорогой, сегодня ночь не спать, как завтра лучше гостей угостить — думать.

Входит Севастьянов.

Севастьянов. Разрешите?

Сергей. Входи, Севастьянов, знакомься!

Севастьянов. Севастьянов.

Варя. Варя.

Аркадий. Бурмин.

Севастьянов. А?

Аркадий. Бурмин.

Севастьянов. А-а...

Севастьянов здоровается с Аркадием и молча смотрит на Варю.

Варя. Ну что вы на меня так смотрите?

Севастьянов. Вот вы какая.

Варя. Что, не нравлюсь?

Севастьянов. Нет, что вы, я только хотел сказать, что вы мне рисовались совсем в другом облике.

Варя. В каком же это другом облике?

Севастьянов. Сергей Ильич мне сказал, что вы актриса, и я вас рисовал себе несколько солидней и почему-то брюнеткой.

Сергей. Проходи, Севастьянов.

Севастьянов. Приехали играть в наш театр?

Варя. Да, и четырех товарищей с собой вытащила, скоро приедут.

Севастьянов. Какой больше репертуар предполагаете играть — современный или классический?

Сергей. Ну конечно. Погибла Варька. Севастьянов, прекратите культурную беседу.

Гулиашвили. Ты лучше, дорогой, спроси ее, любит ли она перепелов!

Севастьянов. Да брось ты!

Гулиашвили. Нет, погоди. (*Варе.*) Как вы, любите перепелов?

Варя. Перепелов?

Гулиашвили. Да. Это птички такие. Капитан Севастьянов вам в подарок их сорок штук настрелял, целое свадебное ожерелье. Он считает, что сорок перепелов — лучший подарок для молодой девушки.

Севастьянов. Перепел, конечно, птица невидная, но в смысле охоты... (*увлекаясь*) охотничья птица, стóящая. Ее так не возьмешь, ее нужно со смыслом брать, на нее утром надо идти, с самого рассвета.

Гулиашвили. Теперь насчет охоты целый трактат будет. Ты нам, дорогой, их жареных — и на стол, а как ты их там стрелял — это твое личное дело... (*Сергею.*) Где завтра ужин будет? В саду?

Сергей. В саду.

Гулиашвили (*Аркадию*). Пойдем, дорогой, стол мерить, как гостей сажать, чтобы локтям тесно не было. Пойдем, капитан. Пойдем, Полина Францевна.

Варя. И я с вами.

Гулиашвили (*задерживая ее в дверях*). Нет, Сережа, скажи ей: не слушаться тамады — самый большой грех на душу брать. (*Уходит вслед за остальными.*)

Сергей. Ну вот, Варька. Наконец мы и вместе.

Поцелуй.

Варя. Как я боюсь проговориться, что мы уже женаты...

Сергей. Да уж лучше до завтра не проговариваться. Ребята подарки тебе приготовили. Очень ждали.

Варя. Очень ждали? А ты как? Тоже очень ждал?

Сергей. Я? Никуда я тебя больше не отпущу, Варька. Слышишь — никуда!

Варя. А я вдруг возьму и уеду.

Сергей. Не уедешь.

Варя. Это смотря как держать будешь.

Сергей крепко обнимает ее.

Ну, если так будешь держать, тогда не уеду.

Звонок телефона, один, другой, третий.

Сергей (*в трубку*). Да-да-да! Я, товарищ майор... Явиться к полковнику? Есть... Есть... Гулиашвили? Да, у меня... Есть. (*Вешает трубку, кричит.*) Вано!

Варя. Что такое?

Сергей. Полковник вызывает. Опять, наверно, будет нас пилить за подготовку к ночным учениям. (*Кричит.*) Вано!

Входит Гулиашвили.

Гулиашвили. Ну что такое, дорогой? Что за крик? Тамада не может работать в такой нервной обстановке.

Сергей. Полковник вызывает. Пошли.

Гулиашвили. И меня тоже?

Сергей. Тоже. Сейчас, Варя, мы быстро, одна нога там, другая — здесь. Скажи Аркаше, чтобы он пока твой чемодан распаковал. (*Открывает дверь, ведущую на веранду.*)

Аркадий (*появляясь в дверях*). Варя, иди сюда, тут капитан про охоту рассказывает. Я, кажется, уже почти понял, как надо стрелять этих птичек!

Варя уходит.

Гулиашвили (*надевая фуражку*). Что случилось? Почему так срочно?

Сергей. Кажется, тебе придется принимать мою роту.

Гулиашвили. Что?

Сергей. Кажется, удовлетворили мое ходатайство.

Гулиашвили (*кивнув на карту Европы, где в Испании флажками отмечено положение на фронтах*). Значит, в Испанию?

Сергей. Значит, в Испанию.

Гулиашвили. А как же она?..

Сергей. Она?.. Да... И все-таки бывает, Вано, такая минута в жизни, когда уехать дороже всего. (*Кивнув на дверь, за которой скрылась Варя.*) Всего. Даже этого.

Сергей и Гулиашвили уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сергей (*перед занавесом*). Ох, как мне хочется хоть одним глазком увидеть, что там, как там, как она там, что она там.

Если бы можно было каким-нибудь чудом перенестись оттуда, где сейчас я, туда, где сейчас она! Чудом... Но чудес, к сожалению, не бывает.. А все-таки как бы мне хотелось увидеть хоть одним глазком — что там? Как там?

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Зима 1938 года. За кулисами еще не окончательно оборудованного театра в военном городке. Антракт. Маленькая актерская уборная. Варя, в старинном глухом черном платье, в гриме, перед зеркалом поправляет парик. Входит Севастьянов, держа в руках завернутый в бумагу букет.

Севастьянов. Здравствуйте, Варвара Андреевна! Разрешите преподнести по случаю премьеры и дня рождения.

Варя. Что это?

Севастьянов. Цветы.

Варя. Зимой цветы?

Севастьянов (*развертывая пакет, в котором несколько зеленых веточек*). Во всяком случае, нечто напоминающее.

Варя (*подходит к нему*). Спасибо. Где вы их достали?

Севастьянов. Я в пяти знакомых домах все горшки на подоконниках обстриг.

Смех.

Что было! Только тем и спасся, что за каждую веточку по зайцу обещал в выходной с охоты принести. Знаете, сколько тут зайцев? Пятнадцать зайцев тут.

Варя. Сумасшедший! Дайте, я вас расцелую! (*Целует его.*) Нате платок, вытрите, всего измазала!

Пауза.

Севастьянов. Вы извините, что такие вот веточки...

Варя (*взяв его за портупею и снизу вверх глядя ему в глаза*). Севастьяныч, милый, если бы вы только знали, что такое для меня сейчас эти ваши веточки...

Севастьянов (*пытаясь переменить разговор*). Вы превосходно играли сегодня, Варвара Андреевна. С большим чувством.

Варя. Не надо, Севастьяныч. Вы очень смешно всегда успокаиваете меня: как только я о Сереже, вы сейчас же о моей игре. Ничего. Мне сегодня просто приятно вспомнить о нем. Что он вот сейчас, в эту минуту, делает, как вы думаете?

Севастьянов. Не знаю, Варвара Андреевна. Но полагаю, все в порядке.

Варя. Не знаете? Никто этого не знает. Ну ничего. Мы его, когда вернется, спросим, что он в эту минуту делал. Только надо запомнить: сегодня пятое января. А сколько времени?

Севастьянов. Двадцать один пятьдесят.

Варя. Десять... Он приедет — мы его непременно спросим, да?

Севастьянов. Да, конечно, я вот даже в блокнот запишу: пятого января одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года.

Вбегает Гулиашвили.

Гулиашвили. Варя, дорогая! Все рыдали. Сам рыдал. Играла, как этот, как его, забыл кто, но ты лучше. Дай ручку, поцелую. (*Целует ей руку.*) Уже успел тебе свой веник подарить! Ботаник! А мой подарок не здесь, мой подарок у меня дома! Хороший стол, такой стол, чтоб за гостей сам смеялся. Всех позвал. Жениха твоего позвал, злодея позвал. Маму позвал. Папу позвал. На сцене ссорились — за столом все хорошие, все вместе будем. Такой день рождения тебе устроим!

Помощник режиссера (*показываясь в дверях*). Варвара Андреевна, вы лучше сами посмотрите, какое вам там реквизиторы кресло поставили. А то опять я виноват буду. (*Исчезает.*)

Варя. Сейчас! Спасибо, Вано. Вы после спектакля сюда за мной зайдете, да? (*Уходит.*)

Гулиашвили. Почему грустная?

Севастьянов. Вспомнила, где он сейчас, говорит... А я, что я ей скажу?

Гулиашвили. Что ей скажешь? Надо сказать ей, дорогой, что он сейчас сидит где-нибудь, не спит, ее вспоминает, улыбается...

Севастьянов. Да, но...

Гулиашвили. Что — но? Он не улыбается, да? Мы с тобой не думаем, что он сейчас улыбается? Мы не думаем, а она пусть думает! Что ты думаешь, дорогой? Такой веселый человек Гулиашвили — ему только бы за стол сесть, бокал поднять? А я сейчас сто верст хочу пешком идти, чтобы один был, чтоб снег сильней, чтоб о Сереже не думать — почему писем нет! (*Пауза.*) Я тебе велел розовый мускат купить?

Севастьянов. Я белый купил.

Гулиашвили. Как — белый! Она розовый любит, она белый не любит.

Севастьянов. Ну, пустяк, все равно.

Гулиашвили. Нет, дорогой, пустяк, но не все равно. Такой пустяк. Сережа здесь был бы, не забыл бы такой пустяк. (*Пауза.*) Один пустяк заметит, другой пустяк заметит, что его рядом нет — заметит. Нельзя, чтоб замечала. (*Пауза.*) А друзья что такое — знаешь? Во Владивостоке на плечо посадил, сюда пешком принес. (*Пауза.*) Поезжай, дорогой, где хочешь достань!

Севастьянов. Да где же? Поздно уже.

Гулиашвили. Где хочешь. Пошли, дорогой!

Гулиашвили и Севастьянов уходят. Входит Полина Францевна.

Полина Францевна. Варвара Андреевна! (*Садится в выжидательной позе.*)

Входит Варя.

Варя. Здравствуйте, Полина Францевна!

Полина Францевна. Вы меня растрогали сегод-

ня. Вы играли с такой грустью, с такой тревогой, что я вспомнила свои молодые годы.

Варя. Правда? Я очень старалась сегодня. (*Оглядывается.*) А где же Вано, где Севастьяныч?

Полина Францевна. Я их встретила. Они сказали, что скоро будут. Они очень хорошие. Они так хлопочут о вас, как будто ваш Сережа уехал бог знает куда, на войну.

Варя. Да, они очень хорошие.

Полина Францевна. Он все еще на этих танковых курсах в Бобруйске?

Варя. Да.

Полина Францевна. Вы мне говорили, что он там на три месяца, а уже десятый.

Варя. Да, он писал, что задерживается.

Полина Францевна. Скучаете?

Варя. Да, очень.

Полина Францевна. Ну ничего. Наверно, эти курсы скоро кончатся и он приедет.

Варя (*рассеянно*). Да, наверно.

Полина Францевна. Он у вас очень хороший, очень-очень. Я еще давно, когда только начала учить его французскому языку, подумала, что женщина, которая выйдет за него замуж, будет очень счастливой женщиной.

Варя (*с трудом*). Да. Конечно... Полина Францевна, слышите, уже первый звонок, опоздаете, бегите. А после спектакля поедем вместе к Вано, они хотят мой день рождения праздновать.

Полина Францевна. А я-то вам зачем?

Варя. Нет, обязательно, я без вас не поеду. Когда я бываю с вами рядом, мне тоже кажется, что все хорошо... (*пауза*) там, на курсах в Бобруйске.

Полина Францевна. Ну конечно же, хорошо. Смешная вы девочка. (*Уходит.*)

Варя беспокойно прохаживается. Входит Васнецов.

Варя. Наконец-то, Алексей Петрович. Я так вас ждала.

Васнецов. Вы прислали записку, чтоб я непременно зашел.

Варя. Да. Простите. Я знала, что вы на спектакле... Алексей Петрович!

Васнецов. Я вас слушаю.

Варя. Я уже не та девочка, которая приехала десять месяцев назад. Вы мне все можете сказать. Там, где он сейчас, очень опасно, да?

Васнецов (*поглядев на нее*). Быть может.

Варя. Уже десять месяцев. Но я сначала хоть получала письма. Правда, в них ничего не было: ни что, ни где, ни как. Но он писал, что жив, здоров. (*Пауза.*) Я не буду вас спрашивать, Алексей Петрович. Я знаю, об этом нельзя спрашивать.

Васнецов. Нет, почему же. То, что я смогу вам сказать, я скажу.

Варя. Что с ним? Уже пятый месяц ни звука. Что случилось? Если знаете, лучше скажите. Если он не вернется, этого ведь от меня никто не скроет.

Васнецов. Далеко. Письма долго идут.

Варя. Но ведь раньше доходили.

Васнецов. Вы можете мне верить или не верить, но для вас будет лучше, если вы поверите моему чутью старого солдата. Я знаю Сергея Ильича не первый год, и мне всегда казалось, что он родился в сорочке. Такие, как он, проходят огонь и медные трубы. И ничего, выживают. Про меня в молодости тоже так говорили. И вот жив. Жена солдата в это верить должна. Без этого вам жить нельзя, понимаете?

Варя. Понимаю. Я очень хочу вам верить, Алексей Петрович. Очень хочу. (*Пауза.*) Вам нравится, как я сегодня играла?

Васнецов. Да, очень.

Варя. Это хорошо. Я очень хочу хорошо играть. Особенно сейчас, когда он там. Мне тогда кажется, что он каждый спектакль сидит передо мной в первом ряду партера. Мне кажется...

Входит Гулиашвили.

Гулиашвили. Добрый вечер, товарищ полковник! Варя, совсем забыл, с дороги вернулся: эта старушка — она твою маму играет,— она, кажется, мяса не кушает?

Варя. Да, у нее катар. А что?

Гулиашвили. Как — что? Надо ей что-нибудь диетическое сделать. (*Пауза.*) Товарищ полковник, день рождения. (*Показывает глазами на Варю.*) Приехали бы.

Васнецов. Поздравляю. Простите, не знал. Боюсь, что не смогу. А поздно засидитесь?

Гулиашвили. Непременно.

Васнецов. Ну, если Варвара Андреевна со мной тур вальса согласится пройтись, то к концу подъеду.

Варя. Конечно, Алексей Петрович...

Звонки.

До свиданья, мне на сцену. (*Убегает.*)

Гулиашвили. Никаких известий, товарищ полковник?

Васнецов отрицательно качает головой.

Занавес

Васнецов (*перед занавесом*). Никаких известий. Долго никаких известий. Слишком долго никаких известий. Так долго, что за это время, как говорится, всякое бывает...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Испания. Низкая комната в полуразрушенном доме. Стены сложены из больших неотесанных камней. Полутьма. Единственный свет идет из угла, где в очаге тлеют ветки. За наполовину разбитым и чем попало заткнутым окном идет снег. Посреди комнаты — стол. За ним сидит офицер-франкист. Дверь распахивается, в нее врываются снег и ветер. Входит человек в плаще, отряхивается.

Офицер. Вы заставляете себя ждать, господин переводчик.

Переводчик. Простите. Дьявольская погода. Тут, наверно, много лет не помнят такого снега. Совсем как в России.

Офицер. В России? Неужели двадцать лет эмиграции не вышибли ее у вас из памяти? Все еще вспоминаете вашу Россию?

Переводчик. Мою? Если б она была моя! Я просто говорю, что снег. Зачем вы приказали мне явиться?

Офицер. Вы мне сейчас будете нужны. Вам, кажется, предстоит встреча с соотечественником. Час тому назад мы взяли в плен танкиста.

Переводчик. Знаю. Мне сказали солдаты. Но разве он русский?

Офицер. Не знаю. Во всяком случае, у него русское упрямство. Он целый день просидел в разбитом танке.

Потом вылез с пистолетом... Его взяли, когда он был без сознания. Я велел привести его в чувство и прислать сюда. (*Пауза.*) Да, весьма возможно, что он русский. И нам крайне важно лишний раз доказать, что к нам в плен попал не просто доброволец, не какой-нибудь француз или немец, а именно русский!

Дверь распахивается. Солдаты вводят в комнату неизвестного. На нем кожаные штаны, сапоги. Обгоревшая и разорванная рубашка. Черное лицо, обмотанное грязными, прокопченными бинтами, из-под которых торчат выбившиеся клочки волос.

Переводчик (*подойдя к неизвестному, в упор*). Ну как, приятно вам встретить здесь соотечественника?

Неизвестный молчит.

Ну что вы молчите? Небось удивлены, вдруг здесь встретив соотечественника, а?

Неизвестный (*глухим голосом.*). Je ne vous comprends pas.

Переводчик. Ах, вы не понимаете? (*Офицеру.*) Он не понимает по-русски. Может быть, вы француз, а? (*Подходит вплотную.*) Но только откуда у вас тогда эта рязанская морда? Брось валять дурака! Слышишь, ты, советская сволочь!

Неизвестный. Je vous ai déjà dit, que je ne vous comprends pas.

Переводчик. Опять не понимаете! Так, значит, вы француз?

Молчание.

Alors, vous seriez français?

Неизвестный. Oui.

Переводчик. Откуда же вы, француз?

Молчание.

Et d'oú êtes-vous?

Неизвестный. Je suis de Toulouse.

Переводчик. Так, хорошо. Ну и где же вы там жили, в вашей Тулузе?

Молчание.

Et bien! Dans quelle rue habitiez vous dans votre Toulouse?

Неизвестный. J'ai toujours demeuré rue des Marrons.

Переводчик. Около старого моста? (*Пауза.*) Celle qui se trouve près du vieux pont? N'est-ce pas?

Неизвестный. Non, il n'y a aucun vieux pont.

Переводчик. Ах, там нет никакого старого моста... Вот как. Вас не собьешь. Вы даже знаете улицу. Но произношение? Неужели вы думаете меня уверить, что у француза может быть такое произношение? Вас, наверно, обучали французскому языку где-нибудь в Нижнем Новгороде, а?

Неизвестный. Je vous répète, que je ne vous comprends pas.

Переводчик (*выходя из терпения*). Да вы будете со мной говорить или нет? Я тебя русским языком спрашиваю.

Молчание.

Vas tu parler russe à la fin?

Неизвестный. Puis ce que je vous dis, que je ne connais pas le russe.

Переводчик. Не знаешь русского языка? Ну а такое слово, как «расстрелять», ты знаешь по-русски?

Молчание.

Может, начнешь понимать, если я тебя расстрелять прикажу!

Неизвестный (*спокойно пожав плечами*). Je ne vous comprends pas.

Переводчик. Mais tu seras fusillé! Ça tu le comprends?

Неизвестный. Maintenant j'ai compris.

Переводчик. Да я... (*Задохнулся от ярости.*)

Офицер. Мне надоела эта сказка про белого бычка! (*Солдатам.*) Выведите его!

Солдаты выводят неизвестного. Молчание.

Итак, встреча с соотечественником не состоялась.

Переводчик. Я дам руку на отсечение, что он русский.

Офицер. К сожалению, в штабе хотели бы, чтобы он признался в этом сам. И подписал это. Но он не признался. И не подпишется. И, значит, как говорится, де юре он не русский. А что думаете вы — на это всем наплевать. (*Пауза.*) Пожалуй, чтобы у нас с вами не было лишних неприятностей, лучше согласиться с ним, что он француз,

и расстрелять его здесь, не отправляя в штаб. Да, конечно... Пойдите распорядитесь.

За сценой — выстрел.

Переводчик. Кажется, там уже распорядились.

За сценой — еще несколько выстрелов.

Офицер (*вскакивая*). Нет, это что-то не то.

За сценой — опять выстрел, еще и еще. Грохот. Свет гаснет.

Занавес

Анна Ивановна (*перед занавесом*). Они жили своей жизнью, приезжали и уезжали... А я, как старый пень, никуда не трогалась из этого старого дома, откуда когда-то, семь лет назад, Сергей Ильич грозился увезти Варвару. Да, семь лет. Уже тридцать девятый... Только подумать...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тысяча девятьсот тридцать девятый год. Лето. Обстановка первой картины.

На сцене — Гулиашвили, Женя, Аркадий, Анна Ивановна, Петька, Варя, Севастьянов. Играет патефон. Танцуют.

Севастьянов. Анна Ивановна! Спойте!

Варя ушла.

Все. Просим! Просим!

Анна Ивановна (*поет*).

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Все.

Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Севастьянов.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Все.

Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Гулиашвили.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Все.

На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Женя.

Ночь пройдет, и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

Все.

Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

Варя (*входит*). Тетя, кофе готов.

Анна Ивановна. Цикорий положила?

Варя. Ну конечно. Идемте. Идемте.

Ушли вдвоем.

Севастьянов и Гулиашвили (*имитируя Женю*).

Ночь пройдет, и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой

Ушли. Петька тоже ушел. За сценой — гитара.

Аркадий. Пойдемте, Женечка...

Женя. Нет.

Аркадий. Почему?

Женя. Не хочу.

Аркадий. Неудобно все-таки, друзей провожаем. Я как-никак хозяин. Пойдемте, неудобно.

Женя. Неудобно? А уже целую неделю обещать поговорить со мной и молчать — это удобно? Сядьте!

Аркадий (*садясь*). Ну?

Женя. Вы обещали объяснить, почему вы не хотите отпустить меня из клиники.

Аркадий. Для вашей же пользы, Женечка, честное слово. Вы же были на практике три года, да?

Женя. Да.

Аркадий. Зачем же, только что приехав, опять уезжать? У вас здесь научная работа. Чем вам плохо?

Женя. Плохо.

Аркадий. Почему?

Женя. Плохо. Я не могу так больше, потому что... Не могу, я хочу уехать.

Аркадий. К вам здесь все прекрасно относятся.

Женя. Все?.. Нет, я уеду.

Аркадий. Вы просто капризничаете. Скажите лучше прямо, что у директора клиники скверный характер, что вам не нравится его нос...

Женя. Если бы вы хоть раз попробовали поговорить со мной серьезно...

Аркадий. Когда шутишь, веселей жить, Женечка. Я не хочу, чтоб вы слушали мои скучные рассуждения.

Женя. А я хочу! Я хочу... Ничего я от вас не хочу! (*Ушла.*)

За сценой — хохот.

Аркадий (*после паузы подсаживается к роялю, барабаня одним пальцем, напевает*).

Я вас любил, любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем.

Петька входит, уносит патефон.

Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.

Сафонов (*в дверях*). Тут товарищ командир велел ждать с такси. Так я предупреждаю — счетчик включенный.

Аркадий (*рассеянно*). Ну так выключите.

Сафонов. Что значит — выключите?

Аркадий. Ну так включите.

Сафонов. Что значит — включите?

Аркадий. Ну, что же вы хотите?

Сафонов. Вы ему скажите, что счетчик включенный.

Аркадий. Хорошо, я скажу.

Сафонов уходит.

Гулиашвили (*выходя из соседней комнаты*). Почему сидишь, дорогой? Нехорошо, пойдем.

Аркадий. Что, Женя прислала?

Гулиашвили. Ты не сердись, она мне тихо, на ухо.

Аркадий. Сейчас. Сядь, посиди немножко.

Гулиашвили. Нельзя сидеть. Всю жизнь просидеть можно. Пойдем. Красивая девушка зовет. Нельзя не идти. Смелым надо быть!

Аркадий. Ты все забываешь, что я не военный.

Гулиашвили. Когда за счастье воевать — все военными должны быть, дорогой. Ты меня слушай. Я плохих советов не даю.

Аркадий. Но зато ты даешь так много хороших, что жизни не хватит все их выполнить. Машину водить я, по-твоему, должен...

Гулиашвили. Должен.

Аркадий. Ходить на футбол должен?

Гулиашвили. Обязан.

Аркадий. С тех пор как все вы здесь, я только и слышу, что я что-нибудь должен. У тебя слишком кипучая энергия, Вано. А я тихий штатский человек. Дай мне отпуск, а?

Гулиашвили. Хорошо, дорогой, вот уедем...

Аркадий. И верно, вы ведь уже завтра... Да... война такая вещь, даже до послезавтра остаться не попросишь...

Гулиашвили. Какая война, дорогой?

Аркадий. Ну, не знаю. Когда я читаю в газете, что в Монголии, у озера Буир-Нур, мы вчера сбили тридцать семь японских самолетов, то мне, извини, все-таки кажется, что это война. Вы едете по Казанской дороге. Иркутск, Улан-Удэ, Чита, и вообще я немного знаю географию. Ведь география — это не военная тайна?

Гулиашвили. Безусловно. Пойдем — последний тост за географию.

За сценой поют «Полюшко-поле». Входит Севастьянов, потом — Сергей.

Аркадий. Смотрю на вас и думаю: будет ли когда-нибудь такое время, когда вам больше захочется сидеть дома, чем ехать?

Сергей. Нет, не будет. Я люблю, когда меня посылают. Ей-богу, Аркашка, мы часто забываем, какое это счастье — каждый день знать, что ты нужен стране, ездить по ее командировкам, предъявлять ее мандаты. Я еще мальчишкой поехал первый раз от пионерской организации, потом меня послал райком комсомола, потом райком партии, потом я предъявлял предписание со

звездами на печатях: «Для выполнения возложенных на него особых заданий». Но мне почему-то всегда хотелось, чтобы там писали немного иначе: «Для выполнения возложенных на него особых надежд». Так лучше, верно?

Аркадий. Верно-то верно. Но война есть война, и это все-таки тяжело и опасно. Я слышал, что там иногда убивают.

Сергей. Да, но знаешь, Аркашка, «тяжело, опасно» — это мы все думаем, когда едет кто-то другой, а когда ты едешь, ты уж ничего не думаешь, кроме того, что ты нужен. И тебе скажут — и ты поедешь, и у тебя никаких других мыслей, кроме того, что ты нужен, не будет.

Аркадий. Не знаю. Может быть.

Сафонов (*входит*). Товарищ командир, я уже потерял терпение. Машина не может больше ждать. Счетчик включенный.

Гулиашвили. Ой, совсем забыл, дорогой. Меня же нетерпеливо ждет любимая девушка...

Аркадий. Все это время?

Гулиашвили. Да, дорогой. Я боюсь, что она уже потеряла терпение.

Сафонов. Счетчик включенный.

Гулиашвили. Иду, дорогой, иду. Что делать, дорогой, когда кругом друзья, все забываю. До завтра, Сережа.

Сергей. До завтра.

Аркадий. До завтра.

Севастьянов. Я тебя до машины провожу.

Гулиашвили. Проводи, Севастьяныч. До завтра. (*Сафонову.*) Пойдем, дорогой!

Сафонов. Счастливо оставаться.

Гулиашвили и Севастьянов уходят вместе с Сафоновым.

Сергей. Ну а ты что тут сидишь? Заболел?

Аркадий. Хуже.

Сергей. Заскучал?

Аркадий. Да...

Молчание.

Не знаю, как потом будет, Сережа, а пока на свете на девять складных людей непременно попадается один не-

складный, то есть не то что вообще нескладный, я не жалуюсь, мне даже вон вчера черт знает откуда, из Австралии, письмо прислали, по моему методу операцию сделали, благодарят. Нет, это все хорошо, а вот... Как ты думаешь, если семь лет дружишь с человеком, а потом вдруг признаешься ему в любви, он ведь рассердится, скажет, что же ты все семь лет думал?

Сергей. Да, непременно рассердится. Боже мой, как ты все-таки глуп, неслыханно глуп. (*Передразнивая.*) «Женечка, как, по-вашему, жениться мне или не жениться? Женечка, почему меня не любят женщины?» А она не знает, почему тебя не любят женщины. Не знает и знать не хочет.

Аркадий. Почему?

Сергей. Потому что она сама женщина и сама тебя любит. (*Пауза.*) Нет, я чувствую, что без моего вмешательства тут не обойдется.

Аркадий. Ради бога, не вздумай сказать ей.

Сергей. Непременно скажу. Завтра же займусь устройством твоей свадьбы.

Аркадий. Завтра?

Сергей. Ну, не завтра, когда вернусь...

Аркадий. Когда вернешься...

С шумом входят Варя, Женя, Анна Ивановна, Севастьянов.

Севастьянов. Одну минуту, товарищи... Мы хотели тебя спросить. Мы с Варварой Андреевной забыли один уговор, правда, полтора года прошло, но все-таки мы тебя спросим.

Сергей. О чем?

Севастьянов. Что ты делал пятого января тысяча девятьсот тридцать восьмого года в двадцать один пятьдесят?

Сергей. Почему именно в это время?

Варя. Мы как раз в эту минуту о тебе вспоминали и решили спросить, когда ты вернешься.

Сергей. Пятого января, пятого января... В твой день рождения?

Варя. Да, помните, Севастьяныч, я тогда играла спектакль. Было холодно, метель. Вы мне принесли веточки... Ну, что же ты делал пятого января вечером?

Сергей. Пятого января вечером... я занимался фран-

цузским языком. Впрочем, что я тогда делал, это не так уж важно, а вот что тогда делал один мой хороший знакомый, я, пожалуй, сегодня могу рассказать.

Анна Ивановна. Ну, что же делал этот ваш очень хороший знакомый?

Сергей. У него, как и у меня,— не правда ли, какое странное совпадение — тоже был тогда день рождения жены. Но ему не повезло. Как раз в то время, когда я занимался французским языком, он попал в плен. Вы говорите — в десять? Ну да, примерно в это время его повели на расстрел.

Анна Ивановна. Кошмар!

Сергей. Совершенно верно, Анна Ивановна, кошмар. Но когда моего знакомого повели на расстрел, он вдруг услышал очень далекий, но очень знакомый звук, ему показалось, что это танки. В это время в стену дома недалеко от него ударил снаряд — раз! И еще — два! Он вырвал винтовку у одного, ударил ею другого. Кругом рвались снаряды, так что всем было не до него. И он побежал навстречу танкам. Говорят, в тот вечер он поставил мировой рекорд в беге на один километр по пересеченной местности. Ну вот и все, что делал мой очень хороший знакомый пятого января вечером. (*Сел.*)

Варя подошла к нему.

Севастьянов. Молодец твой хороший знакомый. Однако мне пора. Жаль, что вы, Анна Ивановна, именно здесь живете, а то проводил бы вас, честное слово!

Анна Ивановна. Да, очень жаль, Петр Семенович, очень жаль, что мы не встретились на моем жизненном пути лет сорок тому назад. Впрочем, вас тогда еще не было на свете.

Женя (*встала*). Я тоже, пожалуй, пойду.

Сергей. Куда так рано?

Женя. Завтра еще увидимся. И прощаться будем. До свиданья, Аркадий Андреевич.

Аркадий. Я провожу вас, Женечка.

Женя. Что вы! Не надо. Что с вами, Аркадий Андреевич? Откуда вдруг такая галантность? Не надо, она к вам не идет. А потом я боюсь, вы по рассеянности поведете меня куда-нибудь не в ту сторону или совсем потеряете. До свиданья. (*Уходит.*)

Сергей. До свиданья!

Аркадий (*после паузы*). Видал?

Сергей. Видал. Ну, что «видал»? Что «видал»? Беги скорее за ней!

Аркадий. Как?

Сергей. Очень просто. *(Хватает со стола сумочку.)* Скажи, сумочку забыла.

Аркадий выбегает и тотчас возвращается.

Аркадий. Да это же Варина!

Сергей. Не важно, скажешь, спутал. Беги!

Анна Ивановна. Пойдем, Петя. Ты совершенно не умеешь оставлять людей вдвоем.

Петька *(обиженно)*. А ты умеешь?

Анна Ивановна *(с достоинством)*. Учусь. Учиться никогда не поздно.

Оба уходят.

Сергей. Больше чем уверен, что Аркадий пройдет пять шагов и вернется. Нет в нем этой решительности. Не то что я, да?

Варя. Да. А знаешь, вот ты завтра уезжаешь, а мне все равно не хочется думать об этом... Знаешь, о чем я сейчас думаю?

Сергей. О чем?

Варя. Как мы с тобой первого сентября поедем в отпуск, на Кавказ, и пойдем пешком по Военно-Грузинской дороге. Утром будем просыпаться, а кругом горы. И все время вместе. Хорошо, да?

Сергей. Красота!

Варя. Первого сентября сядем в поезд. На Кавказ он ведь утром отходит?

Сергей. Если скорый, то в одиннадцать пять. Когда надеялся, что в отпуск пойду,— справлялся.

Варя. И мне не нужно будет тебя провожать, махать платком. Я сама сяду и поеду. А платками пусть нам машут другие. Пусть. Не все же мне.

Сергей. Я, наверно, сейчас уеду не очень надолго...

Варя. Не надо, Сережа. Ты же сам не знаешь на сколько. Не смей меня утешать — рассержусь.

Сергей. Ладно.

Варя. Я тебя люблю за то, что ты такой, я бы другого не любила. Да, ждать, ждать, пускай ждать, но зато, когда мы вместе... Да, я люблю эту жизнь, она и есть

самая настоящая. А другой никакой не хочу... И не смей меня утешать. *(Пауза.)* Тебе надо было идти?

Сергей. Да, я в округ, ненадолго.

Варя. Я еще посижу у Аркаши, а потом поеду домой.

Сергей. Я позвоню.

Варя. Хорошо. Ну иди же скорей, а то опоздаешь.

Сергей идет к двери. Сталкивается с Аркадием, уходит.

Аркаша!

Аркадий. Что?

Варя *(сквозь слезы)*. Все неправда, все неправда, не хочу, чтоб уезжал. Каждый день хочу его видеть, каждый день, каждый день, чтоб всегда со мной...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Аркадий *(перед занавесом)*. Нет, мне не очень-то нравится этот тридцать девятый год. Какой-то он тревожный, с самой весны! Первое, что я делаю по утрам,— хватаю и читаю газеты. В них не слишком-то много пишут, но я уже научился читать между строчек. Там, в Монголии, все лето идут бои, большие бои. Когда я читаю по утрам газеты, мне кажется, что у меня над ухом стреляют. И иногда мне приходит в голову — почему все они там, а я здесь? И почему раз все равно это так уж выходит, мне тоже не быть там, где они, а?

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Очень низкая большая землянка — командный пункт. Замаскированная щель в стене. Низкий деревянный стол. У стен — земляные выступы, заменяющие скамейки. В углу у полевого телефона — телефонист. Гулиашвили наблюдает за боем в перископ. У него забинтованы кисти обеих рук. Заглушенная землей, все время издали слышится артиллерийская канонада.

Гулиашвили *(отрываясь от перископа)*. Почему не идут, ты мне скажи, почему танки не идут? Сколько времени от майора сведений нет?

Телефонист. Час.

Гулиашвили. Где майор, ты скажи, дорогой, где майор?

Телефонист *(показывая рукой вперед)*. Там, наверно, где же ему быть.

Гулиашвили. Я не вижу, что он там, там танки вперед не идут, там его нет. *(Смотрит в перископ.)* Пошли! Пошли, дорогой, пошли. Куда ты пошел? В ров по-

падешь, завязнешь! Налево иди, налево, газу дай, еще газу! Правильно, дорогой! *(Телефонисту.)* Соедини.

Телефонист. Зенит! Зенит! Говорит Глобус. Глобус говорит. Глобус. Семьдесят седьмой, Зенит мне дай... Не отвечает? Связь порвана, товарищ капитан.

По ходу сообщения входят Васнецов, в форме комбрига, и несколько штабных командиров (в одном из них можно узнать бывшего командира роты из второй картины). Связисты несут телефоны и тянут провод.

Гулиашвили *(рапортуя)*. Начальник штаба первого батальона капитан Гулиашвили. Батальон выполняет ваше задание.

Васнецов. Где майор?

Гулиашвили. Лично повел в атаку третью роту вместо убитого капитана Горбаченко.

Васнецов. Так. *(Смотрит в перископ.)* Хорошо. *(Отрываясь от перископа.)* Здесь будет мой командный пункт. Телефоны! Быстро! *(Садится за стол и, стащив с головы кожаный шлем, вытирает лицо.)* Чаю! Все отдам за кружку чаю.

Дневальный подает ему жестяную кружку с чаем и газеты.

Телефонист. Командующий у телефона.

Васнецов *(беря трубку)*. Да, Глобус слушает... Да, прервана была... Командный пункт менял... Да, поближе. Взята Зеленая сопка... Песчаную? Скоро возьмем. Первый батальон атакует... Майор Луконин. Да, лично... Есть, сообщу.

Входит танкист.

Танкист. Товарищ капитан! *(Замечая комбрига.)* Товарищ комбриг, майор приказал сообщить: высота Песчаная взята, пехота закрепляется, танки выходят из боя.

Васнецов. Хорошо. Можете идти.

Танкист уходит.

(Телефонисту.) Соедините с девяткой.

В блиндаж входят Сафонов и танкист, держа под руки Сергея, он без чувств. Сажают его на лавку, снимают шлем и расстегивают на груди кожанку. У Сергея совершенно черные, прокопченные лицо и руки.

(Вставая.) Что случилось?

Сафонов. Ничего, товарищ комбриг, обморок. Товарищ майор три часа из танка не вылезал. Ему с самого начала снаряд попал — пушку и пулемет разбило. Так он просто гусеницами их все время давил. Вот вывел танк, на воздух вышел — и...

Васнецов. Ранений нет?

Сафонов. Нет, товарищ комбриг.

Васнецов. Ну и хорошо. Повыше голову положите, как следует.

Телефонист. Девятка у телефона.

Васнецов *(в телефон)*. Песчаная сопка взята, товарищ командующий.

Сафонов *(Гулиашвили)*. Здорово он их покрошил. Семь грузовиков раздраконил. Одну штабную машину легковую догнал — прямо через нее, граммофонную пластинку из нее сделал. Неважная скорость у их машин!

Сергей *(приходит в себя; заметив Васнецова, пошатнувшись, встает)*. Товарищ комбриг, задача выполнена. Песчаная сопка взята. Разрешите сесть?

Васнецов. Садитесь. Чаю ему налейте!

В землянку двое красноармейцев вводят третьего, молодого парня без каски, с рыжими волосами; мы с трудом можем в нем узнать Петьку. Он без оружия, его винтовку держит один из красноармейцев.

В чем дело?

Красноармеец. Из автобата, товарищ комбриг, послали команду на поддержку пехоте. Все в атаку пошли, а он лег за бугор и остался.

Васнецов. Так...

Его прерывает телефон.

(В телефон.) Да, я — Глобус. Переносите огонь на рубеж, южнее высоты Песчаной. Скорей!

Сергей внимательно смотрит на Петьку. Судя по выражению их лиц, оба узнали друг друга.

Сергей. Товарищ комбриг, разрешите, я с ним займусь.

Васнецов, не отрываясь от телефона, кивает. Сергей, с трудом поднявшись, отводит Петьку в угол.

Ты что же, сукин сын? Ты знаешь, что с тобой теперь надо сделать?

Петька. Испугался.

Сергей. Я знаю, что ты испугался. Я спрашиваю, что теперь с тобой надо сделать?

Петька *(почти шепотом)*. Знаю — расстрелять.

Сергей. Эх ты, волжанин! Из оружейной слободы. Не было там таких трусов. До тебя не было и после тебя не будет. *(Пауза.)* И ты не будешь.

Петька *(механически)*. Испугался.

Сергей. Отдайте ему винтовку.

Петька растерянно принимает винтовку.

Отведите его к капитану Синицыну, скажите, что я приказал дать ему флаг, и пусть первым пойдет в атаку и воткнет флаг на высоте. Повторите приказание.

Красноармеец. Отвести к капитану Синицыну и сказать, что вы приказали дать флаг и чтоб воткнул на высоте.

Сергей *(тихо, Петьке)*. Иди. И если убьют, то умрешь как человек. А если останешься жить, то будешь жить как человек. Понял?

Петька. Понял.

Сергей. Идите, выполняйте приказание.

Красноармейцы и Петька уходят. Сергей опять устало опускается на лавку.

Пороховые газы, вот черт, прямо голова раскалывается. Сафонов, полей воды.

Сафонов из фляжки льет ему на голову воду.

(Отряхиваясь.) Вода — большое дело! *(Задорно.)* А ров-то мы все же с ходу перескочили!

Васнецов. Значит, все-таки прыгают?

Сергей. Прыгают. *(Шутливо погрозил кулаком своему бывшему командиру роты.)*

Гулиашвили. А говорил — не прыгают!

Смех.

Васнецов *(в телефон)*. Кто прорвался?.. Спокойней, медленней говорите, тогда я вас быстрей пойму... Японцы прорвались? А где вы были?.. Резерв бросьте!.. Бросили? Хорошо. Дам все, что есть. *(Бросает трубку.)* Полуэктов!

Командир. Я, товарищ комбриг.

Васнецов. Надо срочно что-нибудь бросить на помощь Филатову. Комендантский взвод собрать. Шоферов с машин снять, дать гранаты и патроны, писарям тоже. В роте связи свободные есть?

Командир. Десять человек.

Васнецов. Тоже дать гранаты и патроны. Отправляйтесь, собирайте. Сводную роту поведет... *(Медленно оглядывает присутствующих.)*

Сергей *(вставая)*. Я, товарищ комбриг.

Васнецов, словно не слыша, еще раз оглядывает всех.

Я, товарищ комбриг.

Васнецов. Сводную роту поведет майор Луконин. Левей Филатова у Песчаной прорвался батальон противника. Задержать во что бы то ни стало. Поняли?

Сергей. Понял.

Васнецов. Выполняйте!

Сергей. Есть. *(Идет к двери.)*

Его задерживает Сафонов.

Сафонов. Товарищ майор, разрешите с вами?

Сергей. Гранаты есть?

Сафонов *(с силой хлопая себя по набитым карманам)*. А то как же, товарищ майор!

Сергей *(вздрогнув от этого жеста)*. Тише ты. Взорваться захотел?

Сергей и Сафонов уходят.

Васнецов. Еще чаю. *(Телефонисту.)* Соедините с Филатовым. *(Гулиашвили.)* Вы слышали, что Луконин этому трусу сказал, которого приводили?

Гулиашвили. Сказал, чтобы винтовку ему дали, сказал, пусть первым флаг в сопку воткнет.

Васнецов. Ну и как полагаете, воткнет?

Гулиашвили. Думаю, товарищ комбриг, что если не убьют...

Телефонист. Филатов у телефона.

Васнецов. Майора Луконина вам послал. Сейчас будет... Уже? Как — уже?.. Ну хорошо, вместе жмите. *(Бросил трубку.)* На грузовики посадил, и за две минуты... *(Гулиашвили.)* Что, видно?

Гулиашвили. Левей Песчаной еще одну батарею выдвинули.

Васнецов. *(командиру)*. Мой танк здесь?

Командир. Здесь, товарищ комбриг.

Васнецов. А еще сколько здесь?

Командир. Еще три.

Васнецов. Приготовьте. И мой приготовьте. Живей!

Гулиашвили. Товарищ комбриг, разрешите мне туда, к Луконину?

Васнецов. Что?

Гулиашвили. Товарищ комбриг, я говорю...

Васнецов. А вы не говорите. Я вам сам все скажу, когда будет нужно. *(Пауза.)* Ну как ожоги-то, зажили?

Гулиашвили. Заживают.

Васнецов. Да, не думал я вас тогда живым встретить, а вот видите — заживают. Ну что там?

Гулиашвили смотрит в перископ. В землянку вбегает связной. Он в кожанке, без шлема, голова повязана окровавленным бинтом.

Связной *(задыхаясь)*. Товарищ комбриг! Песчаная сопка... еще держится... Противник идет в контратаку. Во время штыковой атаки майор Луконин убит.

Васнецов *(встает, опершись руками на стол, говорит очень громко, почти кричит)*. Кто вам сказал, что майор Луконин убит? Вы что, сами видели?

Связной. Нет, я не видел, но мне сказали, все видели...

Васнецов. Неправду вам сказали. Майор Луконин не убит. Майор Луконин только ранен. Вы слышали?

Связной. Да, товарищ комбриг.

Васнецов. Вместо раненого майора Луконина команду над сводной ротой примет капитан Гулиашвили. Отправляйтесь.

Гулиашвили. Есть, товарищ комбриг! *(Уходит.)*

Васнецов *(другому командиру)*. Пусть водитель заводит мой танк. Быстро! *(Надевая шлем, на секунду останавливается, говорит тихо, ни к кому не обращаясь.)* Убит... а?

Занавес

Женя *(перед занавесом)*. Может быть, он и в самом деле убит? Как долго нет от него писем, как странно долго нет писем! Варя просто сходит с ума. Мы сначала думали, что напишет Аркадий — он месяц назад тоже уехал туда,— но и от него нет писем, ни одного... Я спра-

шивала Варю — может быть, Аркадий не написал мне, но написал ей. Нет, он не написал ни ей, ни мне. До сих пор ни от кого ни одного письма. Что все это может значить? Что?

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Спустя месяц. Степь. Задняя стена госпитальной палатки на самом краю расположения полевого госпиталя. У палатки сидит Сергей и строгает палку. На одной ноге у него сапог, на другой — носок и тапочка. Сергей скучным голосом напевает что-то под нос, видимо, уже в сотый раз одно и то же. Входит Сафонов.

Сафонов. Здравствуйте, товарищ майор!

Сергей. Здравствуйте, Сафонов. Как вы сюда попали?

Сафонов. Нелегально, товарищ майор. Капитан Гулиашвили вас проведать послал. Съезди, говорит, Сафонов, проведай.

Сергей. Нет, неправда, не так он сказал. Он, наверно, сказал: «Почему, дорогой, мы здесь, а он там? Поезжай, дорогой, посмотри, дорогой, как он там живет, передай тысячу поцелуев». Ведь так он сказал?

Сафонов. Точно, товарищ майор.

Сергей. Да, Сафонов, так близко я от смерти побывал, что теперь, кажется, вовсе никогда не умру.

Сафонов. А как себя чувствуете, товарищ майор?

Сергей *(пробуя плечо)*. Плечо ничего. Грудь тоже ничего, а вот нога. Так что ж, просто справиться обо мне приехал?

Сафонов. Да, скучают без вас в батальоне.

Сергей. Скучают... *(Пауза.)* Так и сказали, значит: справиться, как жив-здоров. А не говорили тебе: если ногами шевелит, посади в машину, привези сюда, а?

Сафонов. А не выдадите, товарищ майор?

Сергей. Не выдам.

Сафонов. Говорили. Если, мол, здоров, то намекни, а если болен — ни звука. Я считал, поскольку вы больной...

Сергей. Тоже мне доктор нашелся... А то мне их без тебя не хватало. Они у меня знаешь где сидят, доктора? Я бы уже давно отсюда удрал, да тут главный врач — суровая личность. Зверь просто. Слова ему не

скажи! *(Пауза.)* Ну ладно. Сафонов, уеду я сегодня отсюда, понял?

Сафонов. Есть, товарищ майор.

Сергей. Сейчас вечерний обход будет. А часочка через полтора подъедете потихоньку — и поедем. Только поближе подъезжайте, а то ходить-то я еще не очень.

Сафонов. Впритирочку машинку подадим. *(Улыбнувшись.)* Как счетчик-то, выключать? Или если быстро, то можно не выключать?

Входят Аркадий и врач.

Сергей. Быстро-быстро, можете не выключать.

Аркадий в белом халате поверх военной формы, с полотенцем в руках; подозрительно смотрит на Сафонова.

Аркадий. Вы откуда? Почему без разрешения на территории госпиталя?

Сергей. Товарищ военврач, это ко мне из части навестить приехали.

Аркадий. Навестить? *(Смотрит вдаль.)* А машина ваша?

Сафонов. Моя, товарищ военврач.

Аркадий. Итак, вы, значит, навестили?

Сафонов. Да, товарищ военврач.

Аркадий. Ну, навестили — и поезжайте. Товарища майора волнуют визиты, особенно если с визитом приезжают на машине. Поезжайте.

Сафонов. До свиданья, товарищ военврач, до свиданья, товарищ майор.

Сергей. До свиданья. Передайте: как выпишут, так приеду.

Сафонов. Так и передам.

Сафонов уходит.

Аркадий. Какая-то подозрительная покорность — выпишут, приеду.

Сергей. Конечно, покорность — ты же теперь начальство. И притом суровое. За что на шофера набросился?

Аркадий. Знаем мы эти визиты. Сначала навестили, а потом увезли. Предупреждаю: если попробуешь — догоню, свяжу и обратно на месяц. Ну как себя чувствуешь?

Сергей. Выписал бы, а?

Аркадий. Отстань.

Сергей. Я знаю, почему ты не хочешь: тебе просто приятно иметь под рукой родственника.

Аркадий. Товарищ майор...

Сергей. Да, товарищ военврач.

Аркадий. Дисциплинка!

Сергей. Есть дисциплинка! *(После паузы.)* А помнишь, Аркаша, Саратов... Тишина... Клиника... Странно, да?

Аркадий *(присаживаясь)*. Да как тебе сказать... Иногда еще странно... Хотя, впрочем, госпиталь — еще не война. Сто верст от фронта. Я еще ни одного выстрела не слышал... Вот война кончится, тогда, я надеюсь, повезут нас, врачей, на автобусе вдоль фронта на экскурсию. Вот здесь, скажут, все это происходило, отсюда к вам везли тех, кого вы потом чинили и зашивали. И мы будем удивляться всему, как самые настоящие штатские люди.

Сергей. Значит, так-таки ни одного выстрела не слышал?

Аркадий. Нет.

Сергей. Ну а бомбежки? Я, например, их, честно говоря, боюсь. А для тебя они, значит, уже не в счет?

Аркадий. Бомбежки? Да как тебе сказать? Когда первая была, у меня на очереди к операционному столу восемнадцать человек лежало, некогда было пугаться. А потом привык. Черт его знает, пожалуй, ты прав — война меняет человека, заставляет понять, что в жизни важно, а что мелочь.

Сергей. Верно, Аркаша. По себе могу сказать — ох не любят люди умирать. Но если уж умирать, то хотят умирать за что-то самое важное. И на войне, когда смерть перед глазами, забываем все наши обиды, неудачи, неурядицы, все, что можно забыть, забываем. А помним только то, что забыть нельзя. Что помним, за то и умираем.

Аркадий. Да. Как ни верти, хоть и делал все, что мог, а уже много людей у меня здесь на руках умерло. И странное дело: другой человек у тебя на руках умирает, а ты чувствуешь, что ты жил не так, как надо. Нет, не так я жил, совсем не так. Я здесь почувствовал, что ничего в жизни откладывать нельзя. Ни любви, ни дружбы, ничего. И знаешь что?

Сергей. Догадываюсь.

Аркадий. Да, я о Жене. Ты сто раз прав. Когда я вернусь, больше ни одного дня этой канители... В первый же день все ей скажу, и пусть решает.

Сергей. Первые умные слова, которые я слышу от тебя за пятнадцать лет знакомства.

Аркадий. Хорошо, смейся. Я уже написал ей письмо с объяснением в любви.

Сергей. Молодец! И послал?

Аркадий. Нет, завтра пошлю. Я хотел тебе показать.

Сергей. Мне? Зачем?

Аркадий. Ну, все-таки у тебя опыт. У Варьки лежит по крайней мере пуд твоих писем.

Сергей. Неужели пуд? Хотя за столько лет... Но они же все одинаковые: «Варька! Скучаю. Целую. Скоро увидимся!» Только адреса да бумага разные. Так что тебе от меня будет мало проку.

Аркадий. Ничего, все-таки почитай.

Сергей. Ладно, давай.

Аркадий передает ему письмо. Вбегает врач.

Врач. Товарищ военврач!

Аркадий. Что такое?

Врач. Из авиаполка приехали за вами. Там над аэродромом воздушный бой был. Ихних несколько сбили, но и наш один, капитан. Боятся, не довезут сюда его без операции, на месте просят.

Аркадий. Машина готова?

Врач. Они на своей.

Аркадий. Едем! *(Сергею.)* Я через час приеду, зайду, договорим. *(Уходит.)*

Сергей *(проводив его взглядом, развертывает письмо, проглядывает его)*. «Я давно люблю тебя...». Правильно, молодец!

Затемнение

Издалека слышится чья-то песня. На сцене темнеет. Полная тишина. Когда снова появляется свет, в степи уже сумерки. Сергей опять в прежней позе строгает палку; палка, имевшая раньше очень неопределенный вид, сейчас приобрела законченную форму. Время от времени Сергей прислушивается. Входит Сафонов.

Сафонов. Что прислушиваетесь, товарищ майор? Я без гудка, тихо, с конспирацией.

Сергей. А я, Сафонов, не к вашему гудку прислушиваюсь.

Сафонов. Я думал, меня ждете. Что, раздумали?

Сергей. Нет, сейчас поедем. Я тут только дождусь, мне нужно... Вы пойдите к машине, посидите еще полчасика.

Сафонов *(пожав плечами)*. Есть, товарищ майор. Только ночь будет, растрясу я вас по кочкам.

Сергей. Ничего. Идите.

Сафонов уходит. Сергей опять прислушивается. Входит врач.

Что, товарищ Антоненко, все еще не приехал Бурмин?

Врач. Нет еще. Из чего у вас палочка, товарищ майор?

Сергей. Из пропеллера.

Врач. И ехать-то ему всего десять километров... Обход надо делать... Из пропеллера, говорите?

Сергей. Да, тут недавно во время бомбежки одна их птичка в землю уткнулась — вот принесли мне кусок пропеллера. А то ведь здесь на триста верст ни одного порядочного дерева нет!

Врач *(разглядывая палку)*. Ох и терпение у вас!

Сергей. Ну, это когда как. (*Пауза.*) Что ж, Бурмина-то нет, а?

Врач. Может, начальнику по телефону звонили, пойду спрошу.

Сергей. И правда сходили бы.

Врач уходит.

Женя *(на авансцене, появилась в луче света там же, где она стояла в прошлый раз)*. Мы сначала думали, что напишет хотя бы Аркадий — он месяц назад тоже уехал туда,— но и от него нет писем, ни одного... Я спрашивала Варю — может быть, Аркадий не написал мне, но написал ей. Нет, он не писал ни ей, ни мне. До сих пор нет ни от кого ни одного письма. Что все это может значить? Что? *(Луч света, в котором она появилась, исчезает. И она исчезает вместе с ним.)*

Долгое молчание. Сергей рассеянно строгает палку. За сценой слышны голоса. Сергей прислушивается. Встает.

Голос Аркадия. А я вам говорю сюда! Под голову, повыше.

Входит врач, за ним двое санитаров вносят на носилках Аркадия. Ставят носилки. Подсовывают ему что-то первое попавшееся под голову.

Врач. Может, попробовать извлечь?

Аркадий. Что там извлечь! Что я, ребенок, что ли! Не знаю... когда... Сережа, скажи ему, чтобы отстал! (*Врачу.*) Будешь ковырять, а что толку? Отстань, дай три минуты пожить спокойно.

Врач. Аркадий Андреевич, может быть, все-таки....

Аркадий. Ну жалко вам меня, ну понимаю, но глупости-то зачем предлагать? Ведь видите сами... Сережа...

Сергей (*наклонясь над ним*). Аркаша, как?

Аркадий. Так. Шляпы. Нашему сделал операцию, стал пленного перевязывать. Так, шляпы, маузер у него взяли, а другой, маленький, в комбинезоне, не заметили. Всадил, вот прямо когда нагнулся над ним. (*Замечает вопросительный взгляд Сергея, обращенный к врачу.*) Ты меня спроси, я же лучше знаю. Он ординатор, а я профессор. Везти сюда не хотели, боялись, а я велел. Тебя видеть хотел.

Сергей. Аркаша, ты не дури, слышишь? (*Врачу.*) Сделайте же что-нибудь!

Врач за спиной Аркадия делает безнадежный жест.

Аркадий. Ничего он не может. Я только по дороге, что не доеду, боялся. А сейчас... Почему опять голову опустили? Поднимите.

Сергей поднимает его за плечи.

Сторожить не буду... удерешь теперь, да? (*Пауза.*) Что молчишь? Знаю... удерешь... Письмо прочел?

Сергей. Прочел.

Аркадий. Изорви. Пусть не знает, а то еще хуже. Изорви, слышишь?

Сергей. Слышу.

Аркадий. Нагнулся к нему, а он...

Долгое молчание.

Это хорошо, что бреда у меня нет. Повыше... Выше... Ну вот, я тебя все-таки увидел. (*Запрокидывает голову.*)

Сергей медленно опускает его на носилки. Врач и санитары снимают фуражки. Долгое молчание. Сергей, встав, рукавом стирает с глаз слезы, оглядывается на врача и санитаров.

Врач. Я скажу начальнику, что родным вы напишете.

Сергей. Напишу. А что я им напишу?

Занавес

Сафонов *(перед занавесом)*. Вы знаете, как мы ехали тогда по степи? Лучше и не вспоминать. Тьма, песок, воронки от бомб, два раза застревали, два раза машину вытаскивали. А у майора нога больная. Он, правда, на это не обращал внимания. Он так переживал за этого военврача, вы себе не представляете, как он переживал за этого военврача...

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Следующий день. Степь. Наполовину зарытая в землю машина «эмка». В глубине — палатка. За сценой женский голос поет Аплодисменты. Видны фигуры расходящихся после концерта бойцов. Входят Севастьянов и Гулиашвили.

Севастьянов. Что же ей говорить?

Гулиашвили. То же самое, дорогой: вызвали к командующему, уехал на три дня. И коротко и на правду похоже.

Севастьянов. Не поверит.

Гулиашвили. Хорошее известие будет — правду скажем, а пока нельзя.

Севастьянов. Когда Сафонова послали?

Гулиашвили. Вчера в девять. Два дня. Не знаю, что и думать, дорогой. Хорошо думать — не могу. Плохо думать — не хочу.

Входит лейтенант.

Лейтенант. Товарищ капитан, артисты в палатке после концерта ужинают. Какие будут приказания?

Гулиашвили. Сейчас покушают, потом спать лягут. Утром в машину посадим, на другое место повезем. Куда им завтра?

Лейтенант. В политотдел.

Гулиашвили. В политотдел свезем.

Входит Варя. Бойцы ее приветствуют

Севастьянов. Варвара Андреевна, очень большое наслаждение приносят бойцам такие концерты.

Варя. Вано, где Сережа?

Гулиашвили. Я же русским языком сказал тебе, что его в штаб армии вызвали.

Варя. Петр Семенович, это правда?

Севастьянов. Безусловно. Он тут, безусловно, если не завтра — послезавтра будет, сами убедитесь.

Гулиашвили. Ну подумай сама, Варя, зачем я тебя обманывать буду? Сама увидишь, сама спросишь, сам тебе скажет: правдивый человек Вано!

Севастьянов. Ну что вы волнуетесь, Варвара Андреевна?

Варя. Я не волнуюсь, я просто должна сегодня видеть Сережу. Непременно сегодня.

Гулиашвили. Ну а если завтра... Нет, я, конечно, понимаю...

Варя. Нет, Вано, ты не понимаешь, ничего не понимаешь. Я должна его видеть, потому, что... Но я его увижу. Увижу? Да!

Севастьянов. Конечно, Варвара Андреевна, конечно, увидите.

Варя. Я попрошусь и поеду туда, где он, хоть на один час. Мне разрешат?

Гулиашвили. Конечно, разрешат.

Варя. Вы не сердитесь, что я так... Я... Я сейчас буду совсем в порядке... Там у вас ведь ужин, я тоже пойду ужинать. Вкусный у вас ужин, да?

Гулиашвили *(обняв ее за плечи, идет с ней к палатке)*. Хороший ужин, сейчас попробуем. У меня один апельсин есть. Любишь апельсины?

Варя. Очень.

Гулиашвили. Сейчас тебя провожу — схожу принесу.

Варя. Не надо. *(Убежала.)*

Севастьянов *(один, кричит)*. Левшин!

Входит танкист.

«Эмку» заправьте. Поедете в полевой госпиталь. Найдете Сафонова, из-под земли достанете и узнаете, что с майором. Идите.

Танкист уходит.

Гулиашвили. Что делать?

Севастьянов. Прежде всего достать апельсин.

Гулиашвили. Апельсин? Какой апельсин? Нету у меня никакого апельсина!

Прихрамывая, опираясь на палку, входит Сергей, за ним — Сафонов.

Сергей. Кто тут апельсинами торгует, а?

Гулиашвили и Севастьянов (*вместе*). Сергей! Сережка!

Объятия.

Гулиашвили. Дорогой! Вырос, красивый стал, не узнать.

Сергей. Ты на меня смотри, чего ты в гимнастерку-то уткнулся?

Гулиашвили. Так. Ближе рассматриваю. Такой красивый — плакать хочется.

Сергей. Ну как у вас, Севастьяныч?

Севастьянов. Третий день отдыхаем.

Сергей. События какие?

Севастьянов. События? Есть тут для тебя одно событие. Поди, Вано, приведи ему это событие.

Сергей. Куда ты?

Гулиашвили. Сейчас, дорогой, одну минуту. (*Ушел.*)

Севастьянов. Что ж так долго ехал?

Сергей. Растряс он меня вчера ночью, сегодня у летчиков полдня отлеживался. Потом в штаб являлся. Сафонов, похищение благополучно окончено, теперь идите выполняйте свои прямые обязанности.

Сафонов. Есть, товарищ майор.

Сергей. Машину в укрытие заведите.

Сафонов ушел.

Варя (*входит*). Сережа!

Сергей. Варя!

Варя. А мне сказали, что тебя вызвали куда-то.

Сергей. Соврали. Ранили меня, в госпитале был.

Варя. В госпитале? В каком? В том, где... В том, где Аркаша?

Сергей (*с запинкой*). Нет, не в том, в другом. А что?

Варя. В другом...

Сергей. А что ты, что ты так.. как-то...

Варя. Нет, я ничего.

Сергей (*глядя ей в глаза*). Все такие же. Только вот что: слезы — это ни к чему, Варька.

Варя. А сам?

Сергей. Мне можно. По слабости здоровья. Я же ранен был... Как ты сюда попала?

Варя. Я не одна. Мы впятером от театра по всем частям поедем.

Сергей. А я вот возьму и в своей части тебя оставлю. Придется им вчетвером дальше ехать, а?

Варя. Не оставишь.

Сергей. Я бы оставил... Тридцать семь атак у меня тут было, Варька. Тридцать семь раз тебя перед этим вспоминал... Два экипажа у меня сменилось. А я, вот видишь... (*Другим тоном.*) Вы что там в палатке-то делали? Ужинали?

Варя. Да. Мы хотели сразу ехать, но Вано сказал, чтоб поужинали и заночевали, а утром обратно.

Сергей. Утром? Неправильно он вам сказал.

Варя. Почему неправильно?

Входит Гулиашвили.

Сергей. А потому неправильно, Варенька... потому неправильно, что это передовая, и никто никогда не знает, что здесь может случиться через час. (*Пауза.*) Гулиашвили! Прикажите подать машину и сейчас же отправьте товарищей актеров в политотдел. Там будут тревожиться, если они не приедут сегодня...

Гулиашвили. Товарищ майор, мы уж тут...

Сергей. Товарищ капитан, повторите приказание.

Гулиашвили. Подать машину, отправить товарищей актеров в политотдел.

Сергей. Выполняйте.

Гулиашвили, козырнув, уходит.

Варя. Сережа! Я должна была тебе... Я не могу так, не поговорив... Трудно мне уезжать...

Сергей. Верю, Варенька, верю. Я постараюсь к тебе скорей, как можно скорей.

Варя. Не только это трудно... Трудно, потому что... Мы были в политотделе утром, и там... там... там не зна-

ли, что я... и при мне сказали, что Аркаша погиб. Они сказали, что профессор Бурмин погиб при исполнении обязанностей и что надо кого-нибудь вместо него. Вместо него... Аркаши.... Он... Я же думала, что увижу его, а оказывается, тогда последний раз был на вокзале, а я не знала, что последний, я шутила над ним, что он смешной очень в военной форме. Сережа... значит, и ты знаешь?

Сергей. Да. (*Обнимает ее.*) Я не мог. Сказать — и потом отпустить тебя. Не мог.

Варя. Сейчас я уеду. Сейчас. Я узнала еще утром, он всегда был... Был, был... Не могу этого слова...

Входят Севастьянов и Гулиашвили.

Севастьянов. Варвара Андреевна, вас ждут.

Варя. Сейчас. Иду. Сережа, я не тревожусь за тебя, слышишь? С тобой ничего не может быть и не будет.

Сергей хочет обнять ее.

Не надо, ты же ко мне скоро приедешь. Дай руку. Крепче. Разве так жмут? Крепче, так. На счастье. (*Вырвав руку, убегает.*)

Сергей. Я по дороге обогнал понтонный батальон. Они очень торопились к переправе. Кажется, в воздухе пахнет последним штурмом. Я правильно выбрал день, чтобы приехать сюда.

Гулиашвили. Очень правильно, дорогой. Так правильно, как будто ты за сто верст увидел, как командующий приказ пишет.

Сергей. Да, пахнет штурмом... И в Европе — тоже война. Пока ехал в машине, слушал радио. Фашисты уже вступили в Краков. Честное слово, уже надоело слушать, как они маршируют по Европе. Они когда-нибудь шагнут слишком далеко, и придется взять их за глотку и остановить.

Входит мотоциклист.

Мотоциклист. Товарищ майор! Пакет из штаба бригады и срочный выпуск фронтовой газеты.

Сергей (*разрывает пакет*). Двадцать один ноль-ноль — на исходные рубежи. Севастьянов! Начинайте выводить вашу роту. Пойдете головным.

Севастьянов. Есть. (*Уходит.*)

Сергей. Гулиашвили! Пойдете через десять минут следом за ним.

Гулиашвили. Дорогой! Я уверен, что в этой газете указ, непременно указ. И из нашей бригады Васнецову и тебе — Героя! Я уже слышал. Все-таки здорово это придумано, что будут ставить бюст героя там, где он родился. В том городишке, где ты играл в «казаки-разбойники», стоит твой бюст, и все мальчишки хотят быть похожими на тебя. Проходят мимо и говорят: «Это же парень из нашего города!» А про себя думают: «А чем мы хуже?» Ну что ты, в самом деле! Давай газету.

Сергей. После боя прочтем!

Гулиашвили. Ты что, с ума сошел? Идти в бой, не зная: вдруг — да, вдруг — нет.

Сергей. Ничего, злей буду.

Гулиашвили. А если...

Сергей. Что — если? Если убьют? Да? Так эти «если» в нашей с вами жизни уже десять раз были и еще сто раз будут. О них думать — воевать разучишься. (*Сжимая в руке газету.*) Здесь не только те, что дожили, здесь, и те, что не дожили. Победу одни живые не делают. Ее пополам делают: живые и мертвые. А война еще только начинается.

Гулиашвили. Начинается? Последний штурм, дорогой. Последняя сопка!

Сергей. Ты думаешь о последней сопке на реке Халхин-Гол, а я — о последнем фашисте. И думаю о нем давно, еще с Мадрида. Нет, врешь, еще наступит день, когда в последнем фашистском городе поднимет последний фашист руки перед танком, на котором будет красное, не какое-нибудь, а именно красное знамя. И вылезет из танка танкист и вытрет с лица пот. Кто это будет? Ты? Или я? Или не ты и не я, а кто-то совсем другой? Всякие будут «если». Только победа будет без «если». Просто будет — и все. Выводи свою роту! Я замыкаю!

Гулиашвили уходит.

(*Делает шаг вперед, к авансцене, и говорит в зал.*) Никому, никогда в жизни не говорил об этом. А вам скажу. Если б вы только знали, как я хотел дожить до победы!

Занавес

СОВЕТЫ РЕЖИССЕРА

К театральному коллективу, принявшему для постановки пьесу К. Симонова «Парень из нашего города», я испытываю — не стесняюсь в этом признаться — чувство зависти. Это чувство рождено предвкушением той подлинной творческой радости, которую испытают участники спектакля. Ведь им предстоит воссоздать на сцене светлый мир героев пьесы, ее удивительную атмосферу. Предстоит увлекательная, полная волнений и творческих поисков работа. И ответом на нее будет сердечная теплота и благодарность зрительного зала за радость знакомства с людьми, достойными подражания.

Пьеса К. Симонова, выдержав испытание временем, сохранила свежесть, способна и сегодня говорить людям об очень важном. Написанная до Великой Отечественной войны, она помогала воспитывать целое поколение Лукониных, чьи подвиги навсегда вошли в летопись борьбы советского народа за свою свободу и независимость.

И сейчас, когда наш народ ведет развернутое строительство коммунизма, когда ежечасно совершаются подвиги на фронте труда, пьеса активно участвует в нашей жизни, потому что помогает становлению сильных, смелых, честных, стойких характеров, не пасующих перед трудностями, характеров, по праву носящих гордое имя — советских.

Нужно ли говорить о том, что огромная сила воздействия пьесы лежит в основном фарваторе советского искусства, отвечает решению тех задач, которые ставит перед нами наша Коммунистическая партия.

Однако хочется напомнить, что вся сила и прелесть пьесы раскроется только тогда, когда коллектив участников увлечется жизнью героев пьесы, когда произойдет

чудесный акт творчества и на глазах у зрителя будут складываться, формироваться полные внутреннего обаяния образы героев.

И тут перед режиссером в первую очередь стоит проблема такой методики построения репетиционной работы, которая воспитала бы в исполнителях потребность, способность находиться все время в творческом поиске.

Мы сознательно опускаем вопросы анализа пьесы, режиссерского замысла.

Пьеса К. Симонова не предполагает множественности идейных трактовок. Вероятно, любой коллектив, приняв ее к постановке, захочет создать спектакль о настоящих людях, о героях нашего времени. Но пути к этой цели могут быть различны, наши представления о характерах, особенностях, индивидуальных качествах героев пьесы могут не совпасть. Но и различными путями мы должны прийти к единой цели.

Автор полон уважения к участникам и веры в их творческие возможности, а потому далек от того, чтобы назойливо предлагать свою трактовку пьесы, и обращает внимание коллектива на отдельные, но очень существенные моменты работы, которые, с его точки зрения, помогут прийти к нужному результату.

Нельзя увлекать, не будучи увлеченным, нельзя взволновать, будучи покойным. Это хорошо известно.

Но как же заразить исполнителей чувством настоящего волнения, способного передаться в зрительный зал? Как разбудить в актерах подлинную увлеченность?

Только призывом, объяснением, апелляцией к рассудку ничего не достигнешь. Надо воссоздать по ходу пьесы такие обстоятельства, в силу которых у исполнителей каждый раз неизбежно будет возникать волнение. Надо как бы расставить по всей пьесе манки, способные вызывать, рождать настоящее чувство. Надо повести исполнителей по такой дороге, где каждый поворот настойчиво зовет вперед и раскрывает увлекательные перспективы, манит продолжать путь и преодолевать препятствия. Как же это сделать?

Попытаемся показать на примерах, еще раз оговорившись, что приводимые решения отнюдь не единственно возможные варианты.

Вспомним существенное обстоятельство. Исполнителю, знающему пьесу и роль, всегда наперед известно, что про-

изойдет в сцене, какова дальнейшая судьба его героя, где его ждут удачи, а где неудачи. Образ же, действующее лицо этого не знает. Герой идет от этапа к этапу. Он не имеет права двигаться дальше, не прожив, не оценив все обстоятельства, не преодолев все препятствия, определенные сюжетом или поведением партнера. И каждый раз то или иное решение (поведение) должно рождаться здесь, в эту минуту. Короче говоря, вспомним о требовании Станиславского — *якобы впервые*.

Теперь попробуем отправиться в интересный мир героев и обстоятельств пьесы.

Сергей Луконин! Чье сердце не дрогнет, следуя за этим ярким, своеобразным характером, с такой трудной, но увлекательной судьбой. Он действует, встречается с людьми, по-своему тоже яркими и интересными.

В «Парне из нашего города» каждый образ — это яркий индивидуальный характер.

Неверно думать, что Луконин является заурядной фигурой. Однако ошибку совершат режиссер и исполнитель, если захотят всячески подчеркнуть исключительность Луконина, его необычность, его авангардное положение по отношению к другим действующим лицам. Не случайно же во время Великой Отечественной войны мы были свидетелями героизма многих и многих тысяч сверстников Луконина. Речь надо вести не о героеодиночке, а об одном из многих парней многих городов и сел Советской страны.

У зрителя возникнет верное понимание пьесы, когда перед ним последовательно, эпизод за эпизодом будет раскрываться жизнь действующих лиц, когда он увидит на сцене людей, похожих на тех, с которыми сам сталкивался в жизни. Прежде всего это должны понять участники спектакля и избегать всего внешне эффектного, не оправданного изнутри, не рожденного логикой существования, не продиктованного железной необходимостью.

Сознательно остановимся на таком эффектном поступке Луконина в первой картине — прыжке из окна.

Что этому предшествовало, что привело к прыжку? Быть может, это просто юношеская бравада, свидетельство особых, индивидуальных качеств героя, его исключительности? Быть может, это проявление смелости, которая приведет Сергея к славе?

Как следует понимать необычность поведения Луконина? Прервал урок и увел ребят играть в волейбол! Прыгает со второго этажа! Следствие ли это недисциплинированности, своеобразного анархизма, желания выделиться, не быть похожим на других? А быть может, это результат большой внутренней устремленности, воли к достижению поставленной цели?

Пьеса начинается с того, что у Луконина созрело решение посвятить себя военной службе, чтобы стать готовым с оружием в руках отстаивать светлые идеалы, мечты человечества о прекрасном будущем. И потому он использует каждую возможность для тренировки своих душевных и физических сил. Воспитывает в себе волю, способность к мгновенной реакции, смелость, то есть все, что может понадобиться в будущей военной жизни.

Тут (как и вообще в каждом отдельном случае) помимо общей задачи возникает и должна возникать конкретная необходимость, надобность, препятствие, для преодоления которого требуется именно данный поступок. Все эти ступеньки одной лестницы, подняться на которую немыслимо прыжками, минуя отдельные ступени.

Сергей приходит к Варе, чтобы сообщить о своем отъезде, уговориться о будущем, найти подтверждение связывающих их чувств. Исполнитель знает об успешном осуществлении намерения героя, а герой пьесы Луконин не знает, он борется за это, действует. Тактика и стратегия его борьбы рождаются на месте, в зависимости от поведения Вари. Степень ее сопротивления обусловливает энергию, с которой Сергей осуществляет свое намерение.

Сергей, придя к Варе, застает у нее Володю. Это первое препятствие. Ведь в присутствии Володи он не может объясниться. Секунда раздумий — и Сергей принимает решение. О чем он шепчет Володе? Быть может, просит как о дружеской услуге оставить их вдвоем, а возможно, действует более энергично, категоричнее. Важно, чтобы исполнитель здесь, на месте, принимал решение, оценивал сложившуюся ситуацию, искал и находил выход. Он должен увидеть глаза Володи и Вари, должен понять, о чем они говорили, и в зависимости от этого определить свою линию поведения.

Одно дело, если Варя, к примеру, улыбнулась, увидев вошедшего Сергея. Другое — если она просто не об-

ратила на него внимания. И третье — если она демонстративно его не заметила. Как воспринял Володя появление Сергея? Огорчился? Обрадовался, что Варя холодно отнеслась к приходу Луконина?

Сергей действует в зависимости от поведения партнеров. Партнеры же — в зависимости от поведения Сергея.

Если Варя обрадовалась, хоть на мгновение, приходу Сергея, ему удобнее и легче обращаться к Володе. Если она равнодушна, то следует найти нечто такое, что может вызвать ее интерес. Если демонстративно не заметила, тут уж надо принимать вызов и на «удар» отвечать «ударом».

Вероятно, возможны и другие предположения, но важно, чтобы все время сохранялась взаимосвязь, чтобы исполнители поняли и осуществляли завет замечательного мастера Малого театра О. О. Садовской, говорившей своим партнерам: «Ты мне петельку, а я тебе крючочек».

Когда живая связь станет органической потребностью, у исполнителей будет стремление понять намерения партнера, какие-то из них предвосхищать, а какие-то отвергать или принимать.

Само собой, что различные «сигналы», получаемые от партнеров, должны вызывать и соответствующие реакции: ведь если Володя колеблясь и нерешительно отводит просьбу или требование, то у Сергея одна реакция. Если Володя более категоричен, то и Сергей более настойчив. Это найдет свое выражение в соответствующих интонациях, жестах, движениях, ритме и т. д. Вот эта борьба друг с другом и будет содержанием сцены, а произносимый текст — следствием.

Преодолел первое препятствие Сергей. Просьбой, или требованием, или угрозой, но добился своего. Остался вдвоем с Варей. И возникло новое препятствие — реакция Вари на все происшедшее. Обидела ли ее бесцеремонность Сергея, поставила ли в неудобное положение или что-нибудь другое, но она начинает отстаивать свое право хозяйки, свое право самой решать, с кем ей быть и кому у нее бывать дома. Не буду предрешать, сразу ли исполнители начинают свое объяснение или ему предшествует пауза, во время которой «противники» оценивают друг друга. Но если Варя искренне разгневана бес-

церемонностью Сергея, тогда он должен решительно ставить ее перед необходимостью выбора, чтобы парализовать ее гнев. Если она просто охраняет свою независимость, он вправе взывать к ее благоразумию.

Маленький сценический кусочек, состоящий всего из двух фраз, но сколько в нем дано для раскрытия отношения и характеров этих людей!

Очень важно, чтобы у исполнителей возникала точная реакция. Ответ ищется не на слова партнера, а на то, чем, каким движением души рождены его слова. Фраза, вернее слово Вари «нет», может быть отказом от избранной ею позиции или частичной уступкой, не изменяющей ее позиции в целом. В одном случае дальнейшее развитие сцены пойдет по пути сглаживания наметившегося конфликта, а в другом — по линии обострения, нарастания спора, а в пылу его возникает как бы случайно фраза о прыжке. Варя, желая припереть своего «оппонента» к стенке, упрекает его в хвастовстве, и Сергею ничего другого не остается, как прыгнуть со второго этажа. Если же сцена начала развиваться по линии сглаживания конфликта, то прыжок Сергея будет последним аргументом, последним средством воздействия на Варю, и тогда, быть может, он действует весело, с юмором.

Возможны различные варианты, во многом они зависят и от индивидуальности исполнителей. Важно одно — чтобы экстраординарный поступок Сергея не возникал неожиданно, а был подготовлен предыдущим развитием сцены, чтобы тем или иным способом Сергей был поставлен перед необходимостью осуществить даже невероятное.

Своим прыжком Сергей восстановил «мир», однако впереди более важное — подготовить Варю к предстоящей разлуке, договориться с ней о будущем. Он понимает, какое огорчение готовит Варе, и потому хочет смягчить удар. В подобной ситуации исполнитель не может быть спокоен.

Точность действия и цели в каждый конкретный момент сценической жизни — к этому нужно направлять исполнителей. Но, стремясь к конкретности частных задач, ни в коем случае нельзя превращать их в самоцель. Частное в любом художественном произведении служит выявлению общего, должно быть подчинено решению

идейного замысла спектакля, раскрытию его главной, основной темы. Об этом нельзя забывать, как нельзя забывать и о том, что любая частность хороша только тогда, когда она помогает раскрытию определенного человеческого характера, созданию конкретного образа. Поэтому необходим очень тщательный отбор этих частностей, умение и даже мужество отказываться, может быть, от очень эффектных деталей, когда они не помогают решению образа.

Надо так направлять работу исполнителя, чтобы в каждый отдельный момент он умел видеть перед собой не «вообще» Сергея Луконина, а непременно человека конкретного, не положительного героя, наделенного теми или иными «обязательными» признаками и чертами, а человека живого, настоящего, с кровью и плотью, конкретного во всех своих проявлениях. Болезнь «безóбразья», о которой так часто говорят большие мастера театрального искусства, проистекает именно от неумения отрешиться от этого «вообще». Его притягательная сила особенно опасна для тех, кто не имеет систематической профессиональной подготовки и, следовательно, не вооружен необходимыми средствами для борьбы с могущественным «вообще».

«Подлинное искусство и игра «вообще» несовместимы. Одно уничтожает другое. Искусство любит порядок и гармонию, а «вообще» — беспорядок и хаотичность»,— писал Станиславский.

Единственным «противоядием» против игры «вообще» Станиславский считал «подлинное, продуктивное и целесообразное человеческое действие». Вот этой целесообразности и подлинности действия можно достигнуть, находя логически обоснованные, внутренне оправданные, необходимые для раскрытия определенного характера частности. Не просто частности, а частности, непременно раскрывающие данный образ данного произведения. Некоторые из этих частностей я и хочу вам подсказать или, во всяком случае, попытаться показать путь к их нахождению.

Обратимся ко второй картине пьесы. Какие в ней таятся опасности? Мы уже условились, что «Парень из нашего города» — это пьеса не об одном герое, а о советских людях. И потому неверно, если в итоге эпизода сложится впечатление, что Луконин личность яркая, а люди,

его окружающие,— закоснелые, неспособные понять и оценить творческую смелость Сергея.

Разве Васнецов и командир роты не являются воспитателями Луконина, разве они не вносят свою лепту в его становление, формирование? Следовательно, невольное их опорочивание нарушит общее понимание пьесы и приведет к неверным результатам. Как же избежать этой опасности? Прежде всего — установив общую точку зрения исполнителей на поступок Луконина. Есть ли основания у командира роты и Васнецова предъявлять претензии к Луконину? Вправе ли он был идти на риск?

Вероятно, у него есть своя правда, и если бы его опыт увенчался успехом, то... «победителя не судят». Однако в данном случае налицо невыполнение приказа и неоправданный риск. Что было бы с обучением курсантов, если бы каждый из них занялся экспериментами? Следовательно, в поведении руководителей школы ничего предосудительного нет и они абсолютно правы в своих претензиях к Луконину. Выясняющиеся дополнительные обстоятельства происшествия заставляют их призадуматься, а это и свидетельствует об их уме, чуткости, желании найти правильное решение. Таким образом, они предстанут перед зрителями как достойные воспитатели Луконина.

Начинается картина с того, что Васнецов выясняет обстоятельства дела. Это может быть решено как допрос старшим начальником младшего. В этом случае, вероятно, возникнут сухие, категоричные вопросы и четкие, лаконичные ответы.

Если Васнецов, задавая вопросы, не будет проникнут желанием проверить командира роты не в силу недоверия к нему, а потому, что он озабочен воспитанием курсантов и хочет разобраться, кто же перед ним — чинуша, формально выполняющий «положение», стремящийся оградить себя от опасности, или человек, способный к самостоятельным решениям, умеющий свое субъективное отношение не переносить на объективную оценку события,— да, тогда разговор не выйдет за рамки простого выяснения факта. Для зрителя останутся скрытыми воспитательная работа в армии, «секреты» формирования воинов, людей.

Если для исполнителя главное — в желании понять не только факт, но и человека, то он будет меньше

озабочен поисками начальственного тона, постарается четко, ясно и доброжелательно формулировать свой вопрос. Он не предложит собеседнику быстрого ритма, обязывающего подчиненного отвечать немедленно. Он как бы призовет его к продуманному и ответственному разъяснению. Уславливаться заранее, каков должен быть характер ответа командира, не надо. Он будет зависеть от реакции на поведение Васнецова.

Если Васнецов предстанет только как требовательный и строгий начальник, которого интересует лишь точный и незамедлительный ответ, поведение командира роты будет одним: фразы родятся мгновенно, прозвучат четко, лаконично, но... несколько суховато, с желанием оправдаться.

Если же командир роты ощутит призыв к ответственности, к объективному взгляду на событие, то, очевидно, ему понадобится какая-то маленькая пауза, во время которой он как бы еще раз мысленно, придирчиво проверит, вспомнит все мельчайшие детали происшествия и только после этого ответит.

В самом начале репетиций этой сцены пауза, вероятно, окажется более продолжительной, чем следует, но потом, когда у исполнителя будет протоптана «дорожка своих мыслей», он сам станет пробегать эту «дорожку» более стремительно. Тут режиссер должен помочь исполнителю восстановить конкретно все, о чем думает командир роты, уточнить обстановку, в которой отдавался приказ, время дня и т. д. Вспомните советы Станиславского о «непроизнесенном монологе» (то есть «внутреннем монологе»), здесь он очень кстати.

Васнецов внимательно выслушивает ответ, оценивает соображения командира роты о непригодности мостика и еще раз, более конкретно уточняет обстоятельства происшествия. Сейчас ему понятна точка зрения командира. Да, командир ясно и точно поставил задачу перед Лукониным. Вот теперь Васнецов имеет право идти к следующему этапу, и тут ему необходим уже и очевидец. Правда, он хотел сначала выслушать Луконина, но того здесь не оказалось, и он обратился к Гулиашвили.

Что же делает Гулиашвили? Он слышал объяснение командира роты (своего непосредственного начальника) и, по сути дела, вступает с ним в спор. В этом раскрывается характер Гулиашвили (другой человек, может, и

не рискнул бы на такой шаг). Кстати, это еще одно свидетельство того, что в Советской Армии дисциплина не формальная, она не мешает человеку иметь свое мнение, не сковывает его творческих способностей.

Исполнитель роли Гулиашвили, оценив точку зрения командира, сопоставив ее со своей, должен принять решение, которое определит дальнейшее его поведение. Не надо на этом особо «рассиживаться», но и нельзя идти дальше, не исчерпав всех возможностей для построения внутренней жизни Гулиашвили. Слова командира роты: «Если бы не Луконин, то водитель вообще бы не попал в воду» — непосредственная реакция на рассказ Гулиашвили. Тем не менее Васнецов останавливает командира, понимая, что даже такой непосредственной реакцией он может сбить курсанта.

Беседа с Гулиашвили раскрыла Васнецову не только дополнительные обстоятельства дела, но и помогла составить суждение о курсанте, о чувстве товарищества в роте. Прерывает он Гулиашвили не потому, что ему не нравится точка зрения курсанта, а потому, что ему ясен человек. Нам представляется спорной авторская ремарка, предлагающая Васнецову махнуть безнадежно рукой в конце разговора с Гулиашвили. Это будет свидетельствовать о том, что ему ничего не дал разговор с Гулиашвили. Конечно, это не так и, кроме того, дискредитирует Васнецова. Вернее и интереснее, если и здесь Васнецов предстанет как умный и думающий начальник, подлинный воспитатель своих подчиненных.

Из разговора с командиром роты и Гулиашвили Васнецов вынес представление о Луконине. Да, этот человек интересный, своеобразный, пользуется любовью и уважением своих товарищей, способен на смелые и решительные поступки. Ведь спасти водителя было не так-то просто! Это рождает особое внимание к Луконину. Он не проходит мимо того, что Луконин умалчивает о спасении водителя. Он возвращает Луконина к этому факту, желая понять, что кроется за его умалчиванием.

Исполнитель роли Васнецова должен знать, почему, наложив взыскание на Луконина, его герой продолжает разговор с Сергеем, более того, дает ему возможность откровенно высказаться (потому и отсылает командира роты). Заинтересован ли он в дальнейшей судьбе Луконина? Считает ли искренним признание Сергея? Будет

ли бороться за то, чтобы не был отчислен из школы этот нарушитель воинской дисциплины? Будет ли взвешивать все «за» и «против»? Как смотрит Васнецов на Луконина, как произносит заключительные фразы? Из всех этих деталей и будет создаваться характер их взаимоотношений. Здесь надо подготавливать их будущее.

Конечно, и по этой картине могут быть найдены другие внутренние побуждения действующих лиц. Важно их найти, построить сложную и богатую внутреннюю жизнь. Тогда авторский текст станет своим, рожденным здесь, сейчас, вытекающим из сути отношений. На сцене будет возникать живая жизнь, способная увлечь и исполнителей и зрителей.

Трудная сцена в плену. В ее решении необходимо сохранить общий строй пьесы, присущую ей правдивость. Исполнители ролей офицера и переводчика должны знать, что от них зависит серьезность всей ситуации, степень убедительности Луконина. Тут им надо всячески помочь. Вместе с ними построить такую сумму обстоятельств, которая диктовала бы им определенное поведение.

Почему офицеру так важны доказательства подлинной национальности пленного? В каком он чине? Чем командует? Предложите эти вопросы исполнителю. Пусть он подумает, как сказать о том, что рядом идет бой, поищет выражение этому через физическое самочувствие офицера, его внешний вид, ритм. Есть ли у него еще какие-нибудь заботы? Вопросы помогут исполнителю построить жизнь образа, уберегут от плакатного решения.

Подумайте, как помочь исполнителю роли переводчика. Какие у него счеты с советскими людьми? Какое место он занимает в армии? Каковы его взаимоотношения с офицером? В чем его субъективная правда?

Луконину не следует подчеркивать, что он совершает подвиг. Зритель это сам оценит, если будет свидетелем чрезвычайно трудного поединка. Несмотря на сложность положения, Луконин ни на секунду не оставляет мысли о побеге. Эта перспектива придает ему силы и помогает вести себя так умно и мужественно. Он понимает, как важно допрашивающим установить его национальность. Он знает, что, если ему удастся выдать себя за француза, ему будет легче спастись, бежать из плена.

Хочется сказать несколько слов и о восьмой картине. Сафонов приезжает к Сергею. Может показаться на первый взгляд, что это проходная, чисто служебная сцена. А на самом деле она дает возможность подчеркнуть боевую дружбу, чувство товарищества, отличающие нашу армию. Цель приезда Сафонова ясна из текста. Но нужно и здесь выстраивать жизнь действующих лиц, находить линии их взаимоотношений. Исполнитель должен знать, что Сафонов полон желания как можно лучше выполнить свое задание: «Если, мол, здоров, то намекни, а если болен — ни звука». Еще до того, как произносит Сафонов первую фразу, он «проверяет» Сергея. Ему хочется и по внешним признакам — цвету лица, выражению глаз, частоте дыхания — составить впечатление о здоровье Сергея.

Если Сергей это замечает, то у Сафонова есть великолепная возможность замаскироваться естественным интересом к здоровью своего командира. Сергей, увидав Сафонова, наверно, догадался о цели его приезда. Однако если исполнитель роли Сафонова хорошо скрывает свое намерение, то Сергей должен исподволь проверить свою догадку. Если же что-то в поведении Сафонова покажется Сергею подозрительным, то он более энергично начнет припирать его к стенке, добиваться признания, а затем и уговариваться о дальнейшем.

Возможно, Сергей проверяет Сафонова, чтобы увериться, действительно ли можно ждать от него помощи в осуществлении побега из «плена».

Самое интересное, когда оба исполнителя, зная общий смысл сцены, каждый раз будут идти к нему разными дорогами, используя различные приспособления. Пусть не смущает исполнителей и режиссера некая импровизационность. Она будет только обогащать сцену, делать ее живой.

После ухода Сафонова между Лукониным и Аркадием происходит дружеское объяснение. Сергей и здесь раскрывается как чуткий и тактичный человек. Он деликатно подталкивает Аркадия к тому, чтобы тот сам решил сугубо личный вопрос. Только настойчивость Аркадия, его волнение заставляют Сергея дать совет Новые обстоятельства прерывают их разговор.

Решая эту сцену, следует подумать о том, как показать возмужание Аркадия, приобретенный им жизненный

опыт. Быть может, он стал внутренне более энергичен и решителен.

Пользуйтесь контрастными красками. Сцену следует построить отличной от предыдущей и от последующей. Разное самочувствие, разные тональности, разные ритмы.

Сцена смерти Аркадия полна динамики, внутреннего напряжения. Аркадий должен быть очень целеустремлен в желании задержать письмо к Жене и тем самым облегчить ее будущее, оставить ее в неведении о своем большом чувстве к ней.

Эту полную драматизма сцену нужно оберегать от сентиментальности, от чувства жалости героев к самим себе. Об этом не грех напомнить и исполнительнице роли Вари в сцене четвертой картины. Там она тоже находится в острой драматической ситуации, а самое интересное — видеть, как она ее преодолевает.

Сплошь и рядом, когда речь идет о преодолении драматической ситуации, о необходимости преодолеть, спрятать естественно возникающее волнение, исполнители ведут себя просто, спокойно и им кажется, что таким способом они наилучшим образом показывают мужество своих героев.

Скрыть, спрятать волнение... Прежде чем что-либо прятать, надо обрести то, что прячешь. Иначе нечего скрывать, нечего преодолевать!

На репетициях надо дать возможность исполнителю прикоснуться, почувствовать природу того подлинного волнения, тех чувств, которыми наполнен сейчас его герой. Тогда-то актер, сохраняя внутреннее напряжение, должен пытаться скрыть это состояние, не позволять ему выплескиваться.

Мы привели примеры подхода к различным сценам (сложным и простым, важным и как бы проходным), пытаясь подсказать ключ к построению внутренней жизни героев пьесы, направить творческую фантазию и воображение участников по верному пути. Сознательно останавливаясь лишь на одной, с моей точки зрения, очень важной и необходимой части работы над пьесой в процессе ее сценического воплощения, еще раз хочу предостеречь: нужно рассматривать наши примеры только как часть работы. Ту часть, которая приведет к наиболее точному раскрытию общего замысла. Общее раскрывается через частное, и частное всегда должно быть подчинено обще-

му — идейной интерпретации пьесы и ее образов. Тех, кто забудет об этом обязательном для каждого художника законе, предостерегает опасность за деревьями не увидеть леса.

В спектакле бывают очень интересные детали, своеобразно решенные куски, и тем не менее он не является художественным произведением, потому что все эти детали и куски существуют сами по себе, они не связаны единым стержнем четкого и ясного общего решения. К этой художественной целостности необходимо стремиться.

На первый взгляд пьеса К. Симонова может показаться простой и несложной. Это не совсем так. В самой ее простоте заключена сложность. Тот, кто не увидит ее, сведет пьесу к примитиву. Пьеса действительно проста, как бывает прост умный и интересный собеседник. Он не ищет каких-то вычурных выражений или сложных оборотов для высказывания своих мыслей. Ему не надо за сложностью словесного выражения скрывать скудость мысли или отсутствие ее. Симоновская простота — этого порядка.

Его пьеса проста. Но посмотрите, что стоит за этой высшей простотой — глубокий и умный разговор о самом главном. Драматург видит сложные процессы жизни, он глубоко чувствует и понимает свое время, людей, смысл и цель их стремлений, перспективу их жизни. Он показывает людей в их сложности и глубине, в их целеустремленности и простоте, в их бескомпромиссности и таком простом, таком обыкновенном и таком высоком героизме. Это героизм и Сергея Луконина и его друзей, героизм и Вари, которая умеет любить и ждать, это героизм Аркадия Бурмина и если не героизм, то по крайней мере мужество Жени. А Полина Францевна, разве она не мужественная женщина?

К. Симонов рассказывает об этих людях с любовью и волнением, потому что они живые, потому что они рядом с ним, он их хорошо знает, они его друзья, а о друзьях нельзя писать равнодушно.

Возьмите любую сцену и вы увидите (если, конечно, очень внимательно ее прочтете), как много мыслей и чувств скрыто за словами, скупыми и лаконичными, какие глубокие переживания спрятаны за юмором и кажущейся небрежностью, сколько любви и заботы друг о

друге стоит за каждой шуткой. Вы поймете, что это рассказ о настоящих людях, о мужественных людях и сам рассказчик — мужественный человек, он говорит о своих друзьях просто и сдержанно, потому что они этого заслужили, потому что они сами так говорят друг с другом, и он не унижает их искусной сентиментальностью.

Очень немногословны герои, к примеру, в шестой картине. Собрались друзья, потанцевали, попели, поговорили — разошлись. А сколько событий произошло в ней. Как много рассказал нам драматург о своих героях, об их прошлом и будущем, об их намерениях и взаимоотношениях, об их надеждах и мечтах. Но мы узнаем обо всем этом не столько из слов героев, сколько из того, что ими не было высказано. Все это ставит сложные задачи перед исполнителями — понять и донести скрытые в подтексте мысли и чувства, создать необходимую атмосферу, раскрыть характер взаимоотношений людей в пьесе, своеобразие ее образного стиля и выявить все это в конкретном и живом сценическом действии, в конкретных и живых человеческих характерах. В этом их ждет много интересного и увлекательного.

Д. ТУНКЕЛЬ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

20 коп.

ИНДЕКС 70780

3 0112 115469659

ИСКУССТВО